

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Во второй книгѣ говорилось о *набожности* или *благочестіи*, которымъ должны быть проникнуты души будущихъ стражей города. Теперь слѣдуетъ говорить о другихъ сторонахъ воспитанія ихъ. И во-первыхъ, надобно остерегаться, чтобы юноши не слушали и не читали такихъ вещей, которыя могутъ ослабить ихъ *мужество*. Сюда относятся рассказы объ ужасахъ смерти и загробной жизни въ преисподней, равно какъ и то, что по мѣстамъ говорятъ поэты о жалобахъ и плачѣ великихъ мужей и боговъ, да наконецъ и о неумѣренномъ смѣхѣ, который свидѣтельствууетъ, что въ душѣ недостаетъ мужества и твердости. Р. 386—389 А. Далѣе, имъ особенно должна быть внушена любовь къ *истинѣ*. Хотя правителямъ города, для сохраненія общественнаго благоденствія, иногда и можно отступать отъ правды; но частнымъ лицамъ никакъ не должно позволять это. Р. 389 В. Кромъ того, наши юноши не должны нерадѣть и о *разсудительности*; а разсудительность ихъ обнаружится тогда, когда они будутъ покорны правителямъ и не станутъ покорствовать страстямъ. Итакъ мы должны заботливо скрывать отъ нихъ все, чѣмъ-либо ослабляется должное повиновеніе властямъ, либо раздражается и воспаляется страсть неразсудительности, хотя такихъ рассказовъ о герояхъ и богахъ у Омира весьма много. Р. 389 D — 391 E. Наконецъ, должно стараться и о томъ, чтобы предъ глазами нашихъ юношей, въ рѣчахъ и разсужденіяхъ, не было унижаемо достоинство *справедливости*. Объ этомъ нужно будетъ говорить и послѣ, когда понадобится раскрывать понятіе о справедливости; умѣстно, однакожъ, и здѣсь сказать по крайней мѣрѣ то, что спра-

ведливость особенно унижаютъ поэты, когда справедливое соединяютъ съ бѣдствіями и опасностями, а несправедливое съ большими выгодами и удобствами жизни. Р. 392 А—С.

Это о содержаніи сочиненій, которыя должны быть предлагаемы нашимъ юношамъ для чтенія. Теперь слѣдуетъ сказать о способѣ собесѣдованія съ юношами. Все, что рассказывается баснословами, относится или къ настоящему, или къ прошедшему, или къ будущему. Притомъ, рассказъ бываетъ или простой, когда мы сами рассказываемъ что-нибудь другому; или подражательный, когда говоримъ отъ лица другихъ, подражая образу ихъ мыслей и ихъ нравамъ; или смѣшанный и сложный изъ обоихъ этихъ родовъ. Отсюда происходятъ *три рода поэзіи*: лирической, въ которомъ поэтъ высказываетъ собственные чувствованія; драматической, въ которомъ онъ ограничивается только подражаніемъ другому; эпической, въ которомъ съ простымъ повѣствованіемъ соединяется у него и подражаніе. Р. 392 С — 394 D. Послѣ сего возникаетъ вопросъ: должно ли терпѣть въ городѣ родъ поэзіи, имѣющей въ виду подражаніе, или всякая подражательность должна быть запрещена? Объ этомъ нужно сдѣлать, повидимому, слѣдующее постановленіе. Для всѣхъ гражданъ нашего города прежде написали мы такой законъ, чтобы всякій дѣлалъ одно и не вмѣшивался въ дѣла различныя; потому что и слабость человѣческой природы не позволяетъ думать, чтобы кто-нибудь, занимаясь многими дѣлами, могъ дойти до нѣкотораго совершенства. Поэтому и стражи города должны стараться только о защищеніи свободы отечества и избѣгать занятій, состоящихъ въ подражаніи. Притомъ, заботливость о подражаніи, если она возникаетъ съ молодыхъ лѣтъ, легко влѣдряется въ природу и повреждаетъ воиновъ; потому что, подражая женѣ, ссорящейся съ мужемъ, или хвастающейся, либо плачущей, передразнивая также слугу или челоуѣка пьянаго, которыхъ нравы далеко не соотвѣтствуютъ обязанностямъ людей военныхъ, они непремѣнно и принимаютъ въ душу многое, что вовсе не достойно стражей города. Подражать въ выраженіи рѣчамъ и нравамъ добрыхъ и храбрыхъ мужей конечно можно; потому что это способствуетъ нѣсколько къ возвышенію и утвержденію добродѣтели: но

мастера такихъ вещей, занимающіеся исключительно этимъ дѣломъ, должны быть съ честію выпровожены изъ нашего города. Р. 394 D — 398 B. Это — о той части музыки, которая заключается въ рѣчахъ и повѣствованіяхъ. Остается еще сказать о *стихахъ*. Стихъ составляется изъ трехъ частей: изъ словъ, гармоніи и риѐма. Какъ надобно судить о словахъ, или содержаніи стиховъ, видно уже изъ прежнихъ изслѣдованій; а гармонія и риѐмъ должны быть принаровлены къ словамъ. Поэтому, какъ не допускаемъ мы плаксивости и жалобъ; такъ не слѣдуетъ намъ допускать въ своемъ городѣ и мотивовъ жалобныхъ, или тоновъ мягкихъ, которые изнѣживаютъ и расслабляютъ душу. У насъ могутъ быть терпимы тоны, свойственные только людямъ мужественнымъ и разсудительнымъ, которые и потому удобны, что не требуютъ ни многихъ мастеровъ, ни много инструментовъ. Послѣ сего надобно сказать еще о риѐмѣ. Изъ риѐмовъ надобно избѣгать тѣхъ, которые имѣютъ много модуляцій и удаляются отъ простоты, свойственной мужеству и разсудительности. Р. 398 C—400 D. Но какъ характеръ стиховъ,—отъ чего, въ свою очередь, зависитъ и достоинство гармоніи,—можетъ выражаться только изъ души благонравной; то наши юноши должны всячески стараться объ усовершенствованіи себя въ добродѣтели. Поэтому не только поэты у насъ должны быть поставлены законами въ извѣстные предѣлы, но и всѣхъ мастеровъ обязаны мы убѣжденіями и ограниченіями направлять къ тому, чтобы они изъ своихъ произведеній удаляли все, враждебное чувствамъ добраго и честнаго; потому что заботливое преподаваніе юношамъ музыки весьма много способствуетъ къ образованію ихъ душъ. Кто былъ подъ вліяніемъ этой наставницы; въ душѣ того зародилась прекрасная гармонія всѣхъ добродѣтелей — разсудительности, мужества, благородства, великодушія. Этою гарманією изгоняется всякая похоть, лишаящая душу постоянства и ровности. И бываетъ такъ, что получившій такое образованіе никогда не увлекается и постыдною страстію любви. Р. 400 D—403 C.

Кромѣ музыки, надобно имѣть уваженіе и къ *гимнастикѣ*, которая тоже требуетъ немалого упражненія и изученія. И какъ душа дѣлается доброю не отъ тѣла, а наоборотъ — тѣло стано-

вится добрымъ отъ души; то надобно знать, что повелѣваетъ здравомыслящая душа для сохраненія здоровья тѣлеснаго. Итакъ, стражи должны прежде всего воздерживаться отъ пьянства; ибо стыдно стражу имѣть нужду въ стражѣ. Потомъ, стражъ не долженъ жирѣть отъ излишествъ, которыя не только не укрѣпляютъ тѣла, а еще расслабляютъ его, зараждаютъ въ немъ множество болѣзней и дѣлаютъ его неспособнымъ къ перенесенію жара и холода. Стражу необходимо даже довольствоваться простою и умѣренною пищею, отвергать всякое лакомство; и въ этомъ отношеніи гимнастика идетъ объ руку съ хорошею музыкою: ибо какъ послѣдняя своею простотою вселяетъ въ душу разсудительность; такъ первая своею умѣренностію укореняетъ въ тѣлѣ здоровье. Напротивъ, съ неумѣренностію и роскошью въ городѣ становятся необходимыми много судебныхъ мѣстъ и врачебныхъ учрежденій. Но вѣтъ очевиднаго признака, что государство находится въ худомъ состояніи, какъ потребность въ судьяхъ и врачахъ: ибо кому нужны судьи, тѣ лишились своего собственнаго права и, по незнанію честнаго и прекраснаго, принуждены заниматься тяжбами; а кто отъ бездѣйствія и образа жизни, сдѣлался слабъ и болѣзненъ, тотъ не можетъ обойтись безъ медицины. Поэтому искусства судебное и врачебное, какъ средства противъ невоздержанія и болѣзней, къ нашему городу идутъ всего менѣе; потому что люди, занимаясь гражданскими дѣлами, не имѣютъ времени хворать и должны быть исцѣляемы превосходнѣйшими средствами. Итакъ, хотя городу и нужны добрые врачи и судьи, относительно которыхъ надобно постановить опредѣленные законы; однакожъ, наши юноши простою музыкою и гимнастикою должны быть ведомы такъ, чтобы не было надобности въ искусствахъ судебномъ и врачебномъ. Р. 403 С—410 В. Гимнастика направляется конечно къ тѣлу, однакожъ не столько для того, чтобы возвысить силы тѣлесныя, сколько для того, чтобы развить темпераментъ пылкости и вмѣстѣ кротости въ дѣятельности душевной. Поэтому она должна быть всегда соединяема съ музыкою: ибо занимающіеся только гимнастикою обыкновенно бываютъ жестоки и получаютъ характеръ въ извѣстной мѣрѣ дикій; а предающіеся исключительно музыкѣ легко изнѣживаются и становятся женоподобными. Р. 410 В—412 А.

Изложивъ то, что относится къ воспитанію стражей, теперь слѣдуетъ спросить, *кому въ государство должно быть вѣрено правленіе*. Ввѣрить его надобно, конечно, старшимъ и превосходящимъ изъ стражей, такъ какъ они знаютъ способы сохраненія и управленія государствомъ. А изъ этихъ слѣдуетъ избирать къ управленію преимущественно тѣхъ, которыхъ ревность и любовь къ государству сдѣлалась особенно замѣтною. Чтобы этотъ выборъ былъ безошибочнѣе, приготовляемые къ избранію должны быть предметомъ наблюденія съ самаго ихъ дѣтства, чтобы образъ ихъ мыслей и характеръ были совершенно извѣстны. Итакъ, общественныя и правительственныя должности надобно возлагать на тѣхъ, которые во всю жизнь занимались наилучшими дѣлами; потому что эти-то наконецъ будутъ истинными стражами общественнаго благоденствія, и защитятъ городъ не только отъ внѣшнихъ опасностей, но и отъ внутреннихъ волненій. Въ этомъ дѣлѣ старшимъ должны впрочемъ помогать и младшіе возрастомъ. Р. 412 В — 414 В.

Притомъ, чтобы всѣ граждане жили согласно, надобно внушать имъ, что всѣ они—братья, но не всѣ равно способны къ однѣмъ и тѣмъ же обязанностямъ; потому что люди, по своимъ способностямъ, весьма различны: одни рождены для управленія, другіе—для вспоможенія, а иные—для земледѣлія и ремесленничества. Всѣхъ ихъ, съ поэтической точки зрѣнія, можно различать, какъ золото, серебро, мѣдь и желѣзо. А какъ нерѣдко случается, что отъ золотого отца рождается желѣзный сынъ, и наоборотъ; то надобно всячески стараться о томъ, чтобы всякій гражданинъ, смотря по тому, къ чему получилъ онъ отъ природы способность, тѣмъ и занимался въ городѣ. Если это будетъ пренебрежено, то городъ разрушится до основанія. Р. 414 В — 415. D.

Мѣсто жительства стражи и воины должны избрать такое, какое годно было бы какъ для обузданія внѣшней силы, такъ и для удержанія гражданъ въ предѣлахъ долга. Пусть и зданія ихъ приспособлены будутъ не къ хвастовству, а особенно къ воинскимъ занятіямъ. Но чтобы изъ стражей не вышли расхищатели государства, — въ душахъ ихъ должна быть всецѣло искоренена страсть любостыжанія. Поэтому у нихъ не должно

быть никакихъ наследственныхъ владѣній, или фондовъ; а содержаніе надобно давать имъ изъ общественнаго казначейства. Пусть они поймутъ, что имъ нѣтъ нужды въ золотѣ и богатствѣ, если у нихъ золотая, превосходнѣе всякаго золота, душа. Полезно даже вовсе не прикасаться имъ къ золоту и вовсе не имѣть его дома, чтобы, вмѣсто стражей, не сдѣлались они земледѣльцами, или господами и врагами прочихъ гражданъ. Р. 415 D—417 В.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Итакъ люди, на которыхъ съ самаго дѣтства лежитъ 386. обязанность почитать боговъ и родителей и не унижать любви другъ къ другу, должны, какъ видно, слушать и не слушать нѣчто такое.—И я полагаю, сказалъ онъ, что это кажется намъ справедливо.—Что же теперь ¹? если они обязаны быть мужественными; то не слѣдуетъ ли имъ говорить и это, и то, что могло бы сдѣлать ихъ наименѣе робкими при видѣ смерти? Или ты думаешь, что кто-нибудь бываетъ мужественъ, питая, въ себѣ этотъ страхъ?— В. О, нѣтъ, клянусь Зевсомъ; этого я не думаю, сказалъ онъ.— Что же? представляя, какія вещи и ужасы находятся въ преисподней, человѣкъ, по твоему мнѣнію, будетъ ли чуждъ страха смерти, и въ битвѣ предпочтетъ ли смерть поражению и рабству?—Отнюдь нѣтъ.—Такъ видно, и по отношенію къ этимъ баснямъ, мы должны сдѣлать постановленіе для тѣхъ, которые захотятъ рассказывать ихъ, и просить, чтобы они не брали просто преисподней, а болѣе

¹ Въ предшествующей книгѣ говорено было о необходимости располагать души стражей къ благочестію и почитанію боговъ; а теперь Сократъ начинаетъ разсуждать о прочихъ добродѣтеляхъ и учить, что должно и чего не должно быть, чтобы стражи были мужественны, мудры, разсудительны и справедливы. Это изслѣдованіе продолжается до стр. 392 С. Нѣтъ нужды доказывать, что Платонъ главными добродѣтелями своего нравоченія почиталъ разсматриваемыя здѣсь четыре; благочестіе же предпослалъ имъ въ значеніи основанія этой четверицы, заимствованнаго въ ионикѣ Сократа. *Хенорфъ. Мемог.* I, 1, 16.

хвалили ее, такъ какъ это несправедливо и бесполезно для тѣхъ, которые имѣютъ быть людьми военными.—Да, конечно должны, сказалъ онъ.—Вычеркнемъ же, начиная съ слѣдующихъ, всѣ подобные стихи:

Лучше бъ хотѣлъ я воздѣлывать землю, служа безпомощнымъ,—
Тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ и хлѣба насущнаго мало,—
Лучше бъ, чѣмъ царствовать мнѣ надъ всѣми тѣнями умершихъ ¹.

D. И это:

И жилищъ бы его не открылъ и безсмертнымъ и смертнымъ
Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самые боги ²

Или:

Боги! такъ подлинно есть и въ аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безъ сердца ³.

E. И это:

Онъ только мыслить, а прочія тѣни летаютъ ⁴.

Или:

Такъ, излетѣвъ изъ членовъ, душа нисходитъ къ аиду,
Плачась на жребій печальный, бросая и крѣпость, и юность ⁵.

И это:

....душа подъ землю, какъ облако дыма, съ воемъ ушла ⁶.

387. Или:

Будто летучія мыши во мракѣ пещеры глубокой
Съ свистомъ порхаютъ, и только лишь въ ихъ вереницѣ
Съ камня упала одна, то и всѣ спѣвившіе упали:
Такъ и онѣ понеслись съ крешетаньемъ ⁷.

¹ Это — слова Ахиллеса, обращенныя къ Улиссу, когда они встрѣтились въ преисподней. *Hom. Odys. XI, 488.*

² *Hom. Iliad. XX, 64.*

³ *Hom. Iliad. XXIII, 103.*

⁴ *Hom. Odys. X, 495.* Асть замѣчаетъ, что Платонъ вѣроятно приводилъ здѣсь и предшествующій этому стихъ :

Разумъ ему сохраненъ и мертвому ;
потому что этого требовала и ясность рѣчи, и связность конструкции : но сочиненія Омира были, безъ сомнѣнія, до того напечатлѣны въ памяти ученыхъ и образованныхъ Грековъ, что они ясно представляли контекстъ каждаго стиха.

⁵ *Hom. Iliad, XVI, 856.* О смерти Патрокла.

⁶ *Hom. Iliad. XXII, 100.*

⁷ *Hom. Odys. XXIV, 6 sqq.*

Такія и подобныя этимъ сказанія — пусть не сердятся на В. насъ Омиръ и другіе поэты—мы вычеркнемъ,—не потому, чтобы они не были поэтическими и пріятными для слуха толпы, а потому, что чѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи, тѣмъ менѣе позволительно слушать ихъ дѣтямъ и возрастнымъ, если они должны быть свободны и больше бояться рабства, чѣмъ смерти.—Безъ сомнѣнія.—По той же причинѣ надобно выкинуть и всѣ относящіяся къ этому страшныя и ужасныя названія,—Коциты, Стиксы, подземныхъ духовъ, мертвецовъ, и другія того же рода, приводящія слушателей въ сильный трепеть. Можетъ быть, они и хороши для чего другаго; но мы боимся, какъ бы стражи, чрезъ этотъ трепеть, не сдѣлались у насъ чувствительнѣе и нѣжнѣе надлежащаго ¹. — И справедливо боимся, примолвилъ онъ. — Такъ это надобно отвергнуть?—Да.—И выражать словомъ и дѣломъ противный тому типъ?—Очевидно.—Стало-быть, мы исключимъ также стенанія и жалобы знаменитыхъ мужей? — Необходимо, сказалъ онъ, если ужъ и прежнее. — Такъ смотри, продолжалъ я, справедливо ли исключимъ мы это, или нѣтъ. Мы говоримъ же, что честный чело-вѣкъ не признаетъ явленіемъ ужаснымъ смерть честнаго, хотя бы это былъ и другъ его.—Конечно говоримъ.—Слѣдовательно, не будетъ и скорбѣть о немъ, какъ будто бы онъ потерпѣлъ что-то ужасное.—Конечно не будетъ.—Мы говоримъ даже и то, что такой чело-вѣкъ особенно само-

¹ *Не сдѣлались у насъ чувствительнѣе и нѣжнѣе* — μή — *ἑρμότεροι καὶ μαλαχότεροι* — — *ἑννοεῖται ἤμιν*. Штальбомъ и Астъ, не смотря на авторитетъ кодексовъ Платона, находятъ неумѣстнымъ здѣсь слово *ἑρμότεροι* и замѣняютъ его словомъ *ἀδυνότεροι*. Но я не вижу, почему бы *ἑρμότεροι* было здѣсь неумѣстно въ томъ значеніи, какое съ нимъ соединяется. Сократъ опасается, какъ бы стражи города не сдѣлались въ своихъ чувствованіяхъ *теплѣе*, чѣмъ слѣдуетъ. Что это именно значеніе соединялъ онъ съ словомъ *ἑρμότεροι*, видно и изъ непосредственнаго сопоставленія его съ синонимическимъ *μαλαχότεροι*. Что же касается до замѣны этого слова другимъ—*ἀδυνότεροι*, то она, по своей странности, даже недостойна такихъ ученыхъ критиковъ. Эта уравнительная степень *ἀδυνότεροι* показывала бы, что положительную-то *ἀδυναμίαν* Платонъ допускалъ въ стражахъ, какъ позволительную и непредсудительную, чего, конечно, никакъ не могло быть.

- удовлетворителенъ для жизни хорошей и преимущественно
- Е. предъ прочими наименѣе нуждается въ другомъ.—Правда, сказалъ онъ.—Поэтому для него наименѣе страшно лишиться или сына, или брата, или денегъ, или чего иного тому подобнаго.—Конечно наименѣе.—Значить, онъ наименѣе также будетъ скорбѣть и сохранить величайшую кровость, когда постигнетъ его какое-нибудь подобное этому несчастіе.—И очень.—Стало, быть, мы справедливо можемъ исключить стенанія славныхъ мужей и предоставить ихъ
388. женщинамъ, да и женщинамъ-то нелучшимъ; если же и мужчинамъ, то плохимъ, чтобы тѣ у насъ, которыхъ мы хотимъ воспитывать для охраненія страны, отвращались отъ подобной слабости. — Справедливо, сказалъ онъ. — Итакъ, мы опять будемъ просить Омира и прочихъ поэтовъ не заставлятъ Ахиллеса, сына богини, лежать то на боку, то на спинѣ, то на лицѣ, потомъ вставать, вздыхать, блуждать по бесплодному берегу моря, и пусть онъ не хватаетъ обѣ-
- В. ими руками нечистаго праха и не сыплетъ его себѣ на голову¹, а поэтъ не выражаетъ плача и страданія всѣми способами, которыми выражалъ ихъ, и не заставляетъ также Пріама², по рожденію, близкаго къ богамъ, умолять Троянцевъ,

разстилаясь по праху,

И говорить, называя по имени каждаго мужа.

А еще болѣе будемъ просить ихъ не заставлятъ боговъ предаваться горести и звать:

С. Горе мнѣ бѣдной, горе нектати героя родившей³!

Если же не должно заставлятъ и боговъ, то тѣмъ менѣе

¹ Указывается на Iliad. XXIV, 10 sqq. См. *Heynius Observatt. ad. Homer. T. VIII, p. 585.* Гейне въ этомъ текстѣ *πλωίζοντ'*, которое здѣсь вовсе неумѣстно, измѣняетъ въ *πρωίζοντα* — *matutinum se agentem*: но такая поправка неудовлетворительна, и поврежденный текстъ не восстанавливается. Не больше удовлетворяетъ и догадка Аста: *πρὸ ἴοντ'*. Мнѣ кажется, правильнѣе было бы читать: *πρωίζοντα*, отъ неупотребительнаго *πρωίζεσθαι*.

² *Hom. Iliad. XXII, 414.*

³ *Hom. Iliad. XVIII, 54.*

могутъ они смѣть подражать величайшему изъ нихъ,—подражать столь несообразно, что онъ говорить:

Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града
Видятъ очи мои,—и болѣзнь пронзаетъ мнѣ сердце ¹.

Или:

Горе! я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
Жребій достался упасть подъ рукою Патрокла сраженнымъ ². D.

Вѣдь если наши юноши, любезный Адимантъ, будутъ слушать это серьезно, не смѣясь надъ недостойною рѣчью; то едва ли кто-нибудь, хоть и человѣкъ, поставитъ себя ниже боговъ и будетъ недоволенъ собою, когда ему придетъ въ голову сказать или сдѣлать что-нибудь подобное: напротивъ, вислолько не стыдясь и не удерживаясь, онъ, при всѣхъ малѣйшихъ огорченіяхъ, станетъ распѣвать длинныя жалобы и выражать скорбныя чувства.—Ты говоришь E. весьма справедливо, сказалъ онъ.—Стало-быть, этого и не должно быть, какъ въ нашемъ разсужденіи сей часъ доказано; стало-быть, этому надобно и вѣрить, пока кто-нибудь не увѣритъ насъ въ иномъ лучшемъ. — Конечно не должно быть. — Впрочемъ не слѣдуетъ намъ любить и смѣхъ; ибо кто предается сильному смѣху, тотъ напрашивается почти на столь же сильную и перемѣну. — Мнѣ кажется, сказалъ онъ. — Итакъ нельзя допускать, чтобы людей, достойныхъ уваженія, заставляли предаваться смѣху; 389. а еще менѣе прилично это богамъ.—И гораздо менѣе, сказалъ онъ.—Поэтому мы не примемъ у Омира и подобныхъ рѣчей о богахъ:

Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,

Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ по чертогу вокругъ суетится ³.
Вѣдь этого, по твоему мнѣнію, принять нельзя. — Какъ скоро хочешь положиться на мое мнѣніе, сказалъ онъ, такъ ужъ конечно нельзя. —

B.

¹ *Нот.* Iliad. XXII, 168.

² *Нот.* Iliad. XVI, 433.

³ *Нот.* Iliad. I, 599.

Надобно также высоко цѣнить и истину ¹. Если недавно сказанныя нами слова справедливы, и богамъ ложь дѣйствительно не полезна, а людямъ она приноситъ пользу въ видѣ лекарства; то явно, что ее можно предоставить врачамъ, частныя же лица прибѣгать къ ней не должны.—Явно, сказалъ онъ.—Значить, болѣе, чѣмъ кому-нибудь, идетъ лгать правителямъ общества — либо ради неприятелей, либо ради гражданъ, когда, то-есть, имѣется въ виду общественная польза: а всѣмъ прочимъ это непозволительно. И ложь частнаго человѣка предъ такими-то именно правителями назовемъ столь же великимъ, даже еще большимъ грѣхомъ, чѣмъ невѣрное показаніе больнаго предъ врачомъ, либо гимназиста предъ педотривомъ, касательно ихъ тѣлесныхъ ощущеній, или чью-либо скрытность предъ кормчимъ вразсужденіи корабельщиковъ, то-есть, что сдѣлалъ кто-нибудь либо самъ, либо его товарищъ. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Поэтому, если правитель обличаетъ во лжи тѣхъ изъ гражданъ,

которыхъ названіе: мастеръ народный;

Въщунъ, на примѣръ, болѣзней цѣлитель и дѣлатель копій ²; то наказываетъ ихъ, какъ людей, вносящихъ въ городъ, будто въ корабль, разрушительное и гибельное орудіе. — Особенно когда къ словамъ присоединяется и дѣло, приговорилъ онъ. —

Что же? не нужна ли нашимъ юношамъ и разсудительность ³? — Какъ не нужна? — Важнѣйшее же дѣло разсуди-

¹ Изложивъ ученіе о мужествѣ, Платонъ начинаетъ теперь объяснять любовь къ истинѣ, въ которой усматривается благоразуміе и мудрость, и доказываетъ, что и эта добродѣтель столь же необходима для стражей города. Мнѣніе Сократа о лжи, дозволенной правителямъ и непозволительной для людей частныхъ, довольно тонко оцѣниваетъ *Шлейермахеръ* ad h. l. О лжи, такъ называемой спасительной, *Астъ* приводитъ мнѣніе Дарія у *Геродота* III, 72. *Sezt. Etr.* ad Legg. VII, § 43, p. 378. Hipp. Minor.

² *Hom. Odys.* XVII, 383 sq.

³ Разсудительность, по ученію Платона, должна выражаться двояко: повиновеніемъ правительству и обузданіемъ страстей. Если сообразимъ, что начало правительственное, τὸ ἡγεμονικόν, у Платона есть умъ; то значеніе разсудитель-

тельности не въ томъ ли большею частію состоитъ, чтобы быть послушными правительству, а самимъ управлять своими удовольствіями въ отношеніи къ пищѣ, питью и любовнымъ наслажденіямъ? — Мнѣ кажется. — Поэтому, мы признаемъ, думаю, хорошими такія слова, какія Діомидъ говоритъ у Омира:

Стой и молчи, моему повинуюсь совѣту ¹.

И слѣдующія — подобныя имъ:

...Боемъ дыша, приближались Ахейцы,

И уваженіе къ вождямъ выражали молчаньемъ ².

Равнымъ образомъ и другія такія же. — Хорошо. — Напротивъ, вотъ эти:

Пьяница съ взорами пса, но съ душою оленя ³,

и слѣдующія за ними — хороши ли будутъ, когда такія и ³⁹⁰ подобныя дерзости частный человѣкъ словомъ или дѣломъ выражаетъ правителямъ? — Нехороши. — Вѣдь слушать ихъ юношамъ — съ разсудительностью-то, думаю, несообразно; а если онѣ доставляютъ какое-нибудь иное удовольствіе, то нѣтъ ничего удивительнаго. Или какъ тебѣ кажется? — Такъ, сказалъ онъ. — Что жъ? мудрѣйшаго человѣка заставлять говорить, что, по его мнѣнію, превосходнѣе всего, когда

полны трапезы

Яствъ отборныхъ и мясъ, и изъ чаши вино почерная, ^{В.}

Носить его виночерпій и имъ наполняетъ стаканы — ⁴:

говорить это годится ли, думаешь, для побужденія юноши къ воздержанію? Или слѣдующее:

Въ голодѣ смерть и жребій найти есть жалкое дѣло ⁵.

ности въ томъ и другомъ ея выраженіи будетъ понятно: разсудительность будетъ добродѣтель, прислушивающаяся къ внушеніямъ ума и, сообразно съ этими внушеніями, настроющая дѣятельность природы чувственной. Подробнѣе и въ духѣ философіи Сократовой раскрывается эта добродѣтель въ Хармидѣ.

¹ *Нот.* *Iliad.* IV, 412.

² *Нот.* *Iliad.* III, 8. IV, 431. Здѣсь эти стихи соединены въ одинъ.

³ *Нот.* *Iliad.* I, 225.

⁴ *Нот.* *Odys.* IX, 8.

⁵ *Нот.* *Odys.* XI, 342.

А прилично ли рассказывать, что Зевсъ, въ минуты сна, успокоившаго прочихъ боговъ и человѣковъ, одинъ бодрствовалъ и, воспламененный пожеланіемъ любви, легко забылъ о всемъ, что прежде хотѣлъ рассказывать; будто онъ былъ такъ пораженъ взглядомъ Иры, что даже не согласился идти въ свою опочивальню, но рѣшился удовлетворить себѣ тутъ же, на землѣ, и сказалъ, что подобной страсти не чувствовалъ

И при первомъ любовномъ свиданіи съ нею ¹?

Да не слѣдуетъ говорить и о томъ, какъ Ифестъ, по такой же причинѣ, оковалъ Арея и Афродиту ². — Конечно, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; это, по моему мнѣнію, не годится. — Напротивъ, надобно видѣть и слышать то, продолжалъ я, что люди, достойные похвалы, рассказываютъ и дѣлаютъ, по отношенію къ умѣренности во всемъ, напримѣръ:

Онъ въ грудь ударилъ себя и съ словомъ къ душѣ обратился:

Ну же, мужайся, душа, тебѣ вѣдь не новость—обиды ³!

—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Конечно, не должно позволять и того, чтобы наши люди были взяточниками ⁴. — Никакъ. — Стало-быть, ненадобно пѣть имъ, что

Дары преклоняютъ боговъ, преклоняютъ царей величайшихъ ⁵.
 Ненадобно также хвалить и Ахиллесова дядьку Феникса, будто бы онъ справедливо совѣтовалъ своему питомцу помогать Ахейцамъ, если они принесутъ ему подарки, а безъ подарковъ не оставлять гнѣва ⁶. Да мы и не допустимъ, и не согласимся, будто Ахиллесъ былъ столь корыстолюбивъ, что могъ взять подарки ⁷ отъ Агамемнона, или опять—выдать мерт-

¹ Здѣсь указывается *Hom. Iliad. XIV, 291.*

² *Hom. Odys. VIII, 266.*

³ *Hom. Odys. XX, 17.*

⁴ *Взяточниками* — δωροδοκοι. Этимъ словомъ означаются не тѣ только, которые берутъ взятки, но и тѣ, которые даютъ ихъ. *Tim. Gloss. p. 68.*

⁵ *Свиды* (Т. I, p. 623), хваля этотъ стихъ, прибавляетъ: οἱ μὲν ἠτιόδειον οἴονται τὸν στίχον. На смыслъ этого стиха мѣтитъ и *Еврипидъ Med. V, 934: πείθειν δῶρα καὶ θεοῦς λόγους. Ovid. de art. am. III, v. 653. Munera, crede mihi, capiunt hominesque deosque: placatur donis Jupiter ipse datis.*

⁶ *Hom. Iliad. IX, 435 sqq.*

⁷ *Hom. Iliad. XIX, 278 sqq.*

вое тѣло не иначе, какъ за выкупъ ¹.—Хвалить такіе поступки, конечно, несправедливо, примолвилъ онъ. — Уважая Омира, мнѣ не хотѣлось бы сказать, продолжалъ я, что подобныя-то вещи вносить на Ахиллеса и вѣрять рассказамъ другихъ о томъ же самомъ,—даже неблагочестиво. Да вотъ и опять, — будто бы онъ говоритъ Аполлону:

Ты повредилъ мнѣ, зловреднѣйшій между богами:

О! я отмстилъ бы тебѣ, лишь только бы силы достало ²; или будто бы онъ не покорился рѣкѣ ³ — божеству, и готовъ былъ съ нею сражаться, даже будто бы другой рѣкѣ—Сперхіасу, которой посвящены были его волосы, онъ сказалъ:

Лучше бъ ихъ я велѣлъ отнести къ Патроклу герою, тогда уже умершему: никакъ нельзя вѣрять, чтобы онъ сдѣлалъ это. Равнымъ образомъ и того рассказа мы не признаемъ справедливымъ, что онъ волочилъ Гектора ⁴ около Патрокловой могилы, убивалъ плѣнныхъ ⁵ и бросалъ ихъ на костеръ; мы не позволимъ убѣждать нашихъ юношей, что онъ, сынъ богини и Пелея, человекъ разсудительнѣйшаго и третьяго ⁶ по Зевсѣ, воспитанникъ мудрѣйшаго Хирона, былъ до того преданъ беспорядочнымъ движеніямъ, что питалъ въ себѣ двѣ взаимно-противуположныя болѣзни: скупость съ корыстолюбіемъ и вмѣстѣ кичливость предъ богами и людьми. — Ты говоришь справедливо, замѣтилъ онъ.—Мы не повѣримъ никакъ и слѣдующему,—не позволимъ рассказывать, продолжалъ я, будто Тезей ⁷, сынъ Посидо-

¹ *Hom. Iliad.* XXIV, 175 sqq.

² *Hom. Iliad.* XXII, 15 sqq.

³ Рѣкѣ, разумѣется Ксану. *Hom. Iliad.* XXIII, 151.

⁴ *Hom. Iliad.* XXII, 394 sqq.

⁵ *Hom. Iliad.* XXIII, 175 sqq.

⁶ *Третьяго по Зевсѣ.* Пелей былъ сынъ Эака, слѣдовательно внукъ Зевса. *Hom. Iliad.* XXI, 188.

⁷ Тезей обыкновенно почитается сыномъ Эгея; а почему нѣкоторые называютъ его сыномъ Посидона, — объясняетъ Плутархъ, *Vit. Thes.* с. VI. Способность Тезея и Пиритя воровать высказывается въ баснѣ о похищеніи Прозерпины. *Isocr. Encom. Hel.* p. 496. *Apollod.* II, 5. 12. *Diod. Sicul.* IV, p. 265. *Pro-*

на, и Пиритой ¹, сынъ Зевса, вдавались въ столь страшное воровство; у насъ не осмѣлятся и какому-нибудь другому сыну бога, или герою, приписывать такіе ужасные и нечестивые поступки, какими теперь облыгаютъ ихъ. Мы заставимъ поэтовъ говорить, что либо эти дѣла — не ихъ, либо они — не дѣти боговъ, но не говорить того и другаго вмѣстѣ и не стараться убѣждать нашихъ юношей, что боги дѣлаютъ зло и что герои ничѣмъ не лучше людей; ибо Е. это, какъ и прежде было сказано ², и неблагочестиво, и несправедливо. Въдъ мы уже доказали, что происхожденіе зла отъ боговъ есть дѣло невозможное. — Какъ не доказали? — Притомъ, это и для слушателей-то вредно; потому что всякій злой человѣкъ будетъ извинять себя — въ той мысли, что то же самое дѣлаютъ и дѣлали кровные ³ богамъ и ближніе Зевса, которые

part. II, 1. 37. Впрочемъ, какого именно трагика Платонъ имѣлъ въ виду, неизвѣстно.

¹ Пиритой, сынъ Иксиона, завидуя славѣ Тезея, вздумалъ испытать его мужество, и для того, угнавъ его стада, вооружилъ его противъ себя: увѣрившись же въ превосходныхъ его свойствахъ, вошелъ съ нимъ въ самую тѣсную дружбу и, при его помощи, побѣдилъ кентавровъ, которые хотѣли отнять у него жену Ипподаму. По смерти Ипподамы, Пиритой и Тезей условились жениться не иначе, какъ на дочеряхъ Зевса. Для этого Тезей, пользуясь помощію своего друга, похитилъ Елену, дочь Зевса и Леды: но другой дочери Зевсовой, кромѣ Прозерпины, жены Плутоновой, въ то время они не знали. Это заставило Тезея и Пиритоя отправиться въ преисподнюю, съ цѣлію похитить Прозерпину. Но попытка ихъ не удалась. Пиритой растерзанъ былъ Церберомъ, а Тезей закованъ въ цѣпи, пока не освободилъ его Ираклъ, нисходившій въ преисподнюю, по приказанію Евристея. Съ исторической точки зрѣнія, Прозерпина была дочь молосскаго царя Эдоней, котораго собака, называвшаяся церберомъ, растерзала Пиритоя. *Plut. vit. Thes. Ovid. trist.* I, 5. 19. Почему Пиритоя Платонъ называетъ сыномъ Зевса, ни изъ чего не видно. Впрочемъ извѣстно, что греческая мифологія не затруднялась отпирать для этого олимпійца всѣ гинекеи.

² L. 2, p. 379.

³ *Кровные богамъ и ближніе Зевса* — καὶ θεῶν ἀγγελοποι, Ζηνὸς ἐγγύς. У древнихъ было убѣжденіе, что чѣмъ ближе кто къ божественному началу своего происхожденія, тѣмъ лучше тотъ и совершеннѣе; поэтому не только дѣтямъ боговъ, но и людямъ, когда время ихъ существованія своею давностію приближало ихъ къ богамъ, приписывали особенную мудрость и добродѣтель. Послѣ сего видно, почему Пріамъ (р. 388 В) называется ἐγγύς θεῶν γαρονώς, или почему въ Тимеѣ (р. 32 А) говорится: πιστέον τοῖς ἐμπροσθεν εἰρηκόσιν, ἐκόνοις

....Въ эфирѣ, на вершинѣ Иды,
Поставили алтарь отечественному Зевсу.

И

Въ нихъ кровь боговъ еще не истощилась ¹.

Посему надобно оставить подобныя сказанія, чтобы въ нашихъ юношахъ они не возбудили сильной склонности къ злонравію. — Да, это очень хорошо, сказалъ онъ. —

Итакъ опредѣляя, какія рѣчи надобно говорить и какія нѣтъ, что еще остается намъ сказать объ этомъ, спросилъ я? Вѣдь въ отношеніи къ богамъ, духамъ, героямъ и существамъ въ преисподней, качества рѣчи уже высказаны. — Конечно.— Не слѣдовало ли бы наконецъ рассмотреть ихъ въ отношеніи къ людямъ?— Явно.— Но это-то, другъ мой, установить въ настоящее время намъ невозможно ². — Почему?— Потому что мы, думаю, будемъ утверждать, что и поэты и повѣствователи худо рассказываютъ о людяхъ самыя важныя вещи, будто многіе, хотъ и несправедливы, однакожь наслаждаются счастіемъ, а справедливые бѣдствуютъ, и будто быть несправедливымъ, если это утаивается, полезно, а справедливость — добро только чужое, для насъ же она — вредъ ³. Говорить все такое мы, конечно, запретимъ, а прикажемъ и пѣть и рассказывать противное тому. Или тебѣ не такъ кажется? — Да, это я очень

δι' ἐγὼν οὐκ ἔστιν. Въ умствованіяхъ и міеологіи Грековъ издревле проявлялся взглядъ нѣсколько эманатическій, въ смыслѣ приведеннаго здѣсь Платономъ стиха: «въ нихъ кровь боговъ еще не истощилась.»

¹ Эти стихи взяты Платономъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь трагика, только не буквально: Платонъ, кажется, переформовалъ ихъ по своему, что у него случается замѣчать нерѣдко. Относительно приведенныхъ здѣсь стиховъ, насъ убѣждаетъ авторитетъ Лукіана, у котораго первый изъ этихъ стиховъ приводится не въ такой формѣ, какъ у Платона. *Demosth. Encom. c. 13. T. III, p. 501.*

² О томъ, каковы должны быть рѣчи юношей въ отношеніи къ людямъ, теперь мы опредѣлить еще не можемъ, говоритъ Платонъ; потому что это тѣсно связано съ вопросомъ о справедливости, что такое она; а вопросъ о справедливости еще не рѣшенъ.

³ Такъ учили о справедливости софисты. Здѣсь Сократъ намекаетъ на разсужденія Тразимаха объ этомъ предметѣ, изложенныя въ первой книгѣ (р. 336 А—344 С), гдѣ между прочимъ говорится (343 С): ἀγνοεῖς, ὅτι ἡ μὲν δικαιοσύνη τε καὶ τὸ δίκαιον ἀλλότριον ἀγαθὸν τῷ ὄντι, τοῦ κρείττονος τε καὶ ἄρχοντος ξυμμέρον, βίαια δὲ τοῦ πειθόμενου τῆς καὶ ὑπερεούσης βλάβη.

хорошо знаю, отвѣчалъ онъ. — Но если ты согласишь, что я говорю справедливо, то можно сказать, что ты подтвердилъ всѣ прежнія наши изслѣдованія? — Вѣрно предполагаешь, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, что по отношенію къ людямъ надобно говорить такія рѣчи, — это мы установимъ тогда, когда найдемъ, что такое по своей природѣ справедливость и какую пользу доставляетъ она тому, кто ее имѣетъ; будетъ ли онъ казаться такимъ, или не будетъ. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. —

Такъ этому разсужденію о рѣчахъ пусть теперь будетъ конецъ; далѣе мы должны еще, думаю, изслѣдовать способъ бесѣдованія ¹, и тогда у насъ вполне опредѣлится, что и какъ надобно говорить. — Но этихъ-то словъ твоихъ D. я уже не понимаю, сказалъ Адимантъ. — А вѣдь нужно же, примолвилъ я. Впрочемъ можетъ быть лучше поймешь такъ: все, рассказываемое баснословами и поэтами, не есть ли повѣствованіе либо о прошедшемъ, либо о будущемъ? — О чемъ же иначе, сказалъ онъ? — И не правда ли, что они выполняютъ это либо посредствомъ простаго разсказа, либо посредствомъ подражанія, либо тѣмъ и другимъ способомъ ²?

¹ Доселѣ Сократъ говорилъ только о содержаніи рѣчей, какія прилично предлагать юношамъ, да и то лишь въ отношеніи къ богамъ, духамъ и героямъ; а теперь намѣренъ онъ разсмотрѣть, какова должна быть форма бесѣды съ юношами; ибо это именно выражается словомъ τὸ λέξεως, то-есть, τὸ τῆς λέξεως πρῶμα.

² Здѣсь Сократъ различаетъ три формы поэтическаго разсказа (διηγήσεις): поэтъ или рассказываетъ что-нибудь отъ себя, или заставляетъ говорить другія лица и въ такомъ случаѣ поддѣлывается подъ ихъ характеры, подъ ихъ образъ мыслей и выраженій, или оба эти способа смѣшиваетъ одинъ съ другимъ. Платонъ допускаетъ въ свое государство только первый родъ поэзіи; потому что этотъ родъ поставляетъ поэта въ предѣлы собственныхъ его обязанностей и не располагаетъ его, какъ прочіе роды, входить въ дѣла другихъ людей. Почти такъ же, только съ большою опредѣленностью, позднѣйшіе дѣлаютъ всѣ произведенія поэзіи на эпическія, драматическія и лирическія. Удержаніе указываемаго Сократомъ смѣшаннаго рода очень нужно было бы для того, чтобы въ ряду поэтическихъ произведеній можно было дать мѣсто роману и вымышленной повѣсти. Впрочемъ Сократъ смѣшанность изложенія находилъ и въ Иліадѣ: чистый эпосъ есть изложеніе неосуществимое, какъ и Платоновое Государство. Аристотель различаетъ тѣ же роды поэзіи (Poet. с. III, § 2), и отступаетъ отъ Платона

—И это, примолвилъ онъ, хотѣлось бы мнѣ понять яснѣе.
 — Видно же я кажусь тебѣ смѣшнымъ и темнымъ учителемъ, замѣтилъ я. Такъ подобно людямъ, неимѣющимъ дара слова, я возму не общее, а что-нибудь частное, и чрезъ то постараюсь объяснить тебѣ, чего хочу. Скажи мнѣ: знаешь ли ты начало Иліады, гдѣ поэтъ рассказываетъ, какъ Хризисъ упрашиваетъ Агамемнона отпустить его дочь, какъ Агамемнонъ гнѣвается на него за это, и какъ тотъ, не получая просимаго, проклинаетъ Ахеянъ предъ лицомъ Бога? — Знаю. — Стало-быть, знаешь и то, что до слѣдующихъ стиховъ —

Умоляя убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,

Паче же двухъ тѣхъ Атридовъ, строителей рати ахейской, говоритъ самъ поэтъ: онъ не хочетъ, чтобы наша мысль отвлекалась къ-мъ-нибудь инымъ, будто бы говорилъ кто другой, кромѣ его. Но послѣ этихъ стиховъ начинается рѣчь какбы самаго Хризиса, который старается живо увѣрить насъ, что тутъ надобно представлять говорящимъ не Омира, а жреца, — этого самого старца. Такъ составлены, почитай, и всѣ рассказы о событіяхъ и при Троѣ и на Итакѣ, и въ цѣлой Одиссеѣ.—Конечно, сказалъ онъ.—Что же? повѣствованіе не есть ли повѣствованіе и въ томъ случаѣ, когда Омиръ представляетъ непрерывно однѣ рѣчи, и въ томъ, когда между рѣчами онъ помѣщаетъ рассказы?—Что же иначе?—Но какъ скоро онъ вводитъ чью-нибудь рѣчь, какъ будто бы говоритъ кто другой, то не скажемъ ли мы, что онъ ближайшимъ образомъ поддѣлывается подъ бесѣдованіе каждаго изъ тѣхъ лицъ, которое представляетъ говорящимъ?—Скажемъ; какъ не сказать?—А поддѣлываться подъ другаго, либо голосомъ, либо видомъ, не значить ли подражать тому, подъ кого поддѣлываешься?—

только въ томъ, что подражательность почитаетъ не частнымъ признакомъ одной драмы, а общею чертою всѣхъ поэтическихъ произведеній. Ἐποποιία δὲ, говоритъ (Poet. с. I), καὶ ἡ τῆς τραγωδίας ποιησις, ἐπεὶ δὲ ἡ κωμῳδία καὶ ἡ διδουραμφοποιητικὴ καὶ τῆς αὐλητικῆς ἡ πλείστη καὶ κίθαρικῆς πάσαι τὸ ὑγῆνοντι οὕτοι μιμήσεις τὸ σὺλόλον. *Herman. ad Arist. Poet. p. 84.*

Какже? — Такъ вотъ такимъ-то, вѣроятно, образомъ и прочіе составляютъ повѣсти чрезъ подражаніе.—Конечно.— Если же поэтъ нигдѣ не скрываетъ себя; то вся его поэма, все его повѣствованіе идетъ безъ подражанія. А чтобы ты не повторилъ, будто опять не понимаешь, я покажу, какъ это бываетъ. Пусть Омиръ, сказавъ, что пришелъ Хризисъ, принесъ выкупъ за дочь и проситъ Ахейянь, особенно же царей ихъ, вслѣдъ за тѣмъ говорилъ бы не какъ Хризисъ, а какъ самъ Омиръ:—знай, что его разсказъ былъ бы тогда не подражаніемъ, а простою повѣстью, на примѣръ, почти такую (буду говорить рѣчью Е. неизмѣренною, потому что я не поэтъ): Пришелъ жрецъ и молилъ, чтобы Ахейяне, при помощи боговъ, взяли Трою и возвратились здоровыми, а ему, принявъ выкупъ и боясь Бога, отдали дочь. Выслушавъ эти слова, прочіе уважили его просьбу и обнаружили согласіе; а Агамемнонь разгнѣвался и приказалъ ему немедленно идти назадъ и не возвращаться болѣе; иначе для спасенія себя недостаточно будетъ ему ни скиптра, ни вѣнча Аполлонова. Прежде чѣмъ отпущу твою дочь, сказалъ онъ, она состарѣется со мною въ Аргосѣ. И такъ Агамемнонь повелѣлъ ему, не раздражая царя, удалиться, чтобы придти домой въ добромъ здоровьѣ. Выслушавъ это, старецъ испугался и удалился молча. Но вышедши изъ лагеря, онъ долго молился Аполлону и, повторяя въ памяти имена бога, вопрошалъ его: принесъ ли онъ ему когда что благоугодное, либо созидавая храмы, либо закалая священныя жертвы? — если принесъ, то ради сего да поклянется онъ, за эти слезы, отмстить Ахейянамъ своими В. стрѣлами. Вотъ, другъ мой, какова бываетъ простая повѣсть, безъ подражанія. — Понимаю, сказалъ онъ. — Такъ пойми же и то, продолжалъ я, что бываетъ опять и противоположная ей, когда кто исключаетъ слова самого поэта, вставленные между рѣчами, и дѣлаетъ разсказъ обоюднымъ. — И это понимаю, сказалъ онъ; такой разсказъ бываетъ въ трагедіи.—Очень вѣрно полагаешь, замѣтилъ

я; теперь могу открыть тебѣ и то, чего прежде не могъ, а именно, — что поэтическіе и баснословные рассказы составляютъ иногда всецѣло чрезъ подражаніе, каковы, какъ ты говоришь, трагедія и комедія, иногда чрезъ повѣствованіе самого поэта, что особенно найдешь въ диэирамвахъ, а иногда — тѣмъ и другимъ способомъ, какъ это бываетъ въ поэмахъ и во многихъ иныхъ сочиненіяхъ, если ты понимаешь меня. — Да, понимаю, что тогда хотѣлъ ты сказать, примолвилъ онъ. — Вспомни же, что мы говорили предъ этимъ-то: такъ вотъ явно, сказали мы тогда, какіе должны быть у насъ предметы рѣчей; теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, какъ объ этихъ предметахъ надобно бесѣдовать. — Да, помню. — Знай же, что цѣлю моихъ словъ было именно это: намъ нужно условиться, — позволять ли у насъ поэтамъ составлять повѣсти чрезъ подражаніе, или частію чрезъ подражаніе, частію нѣтъ, и каковъ долженъ быть тотъ и другой способъ; или подражанія вовсе не позволять. — Я догадываюсь, замѣтилъ онъ: ты изслѣдываешь, принять ли въ наше общество трагедію и комедію, или не принимать. — Можетъ быть, еще и болѣе этого, сказалъ я: самъ не знаю: куда слово, какъ духъ, поведетъ насъ, туда и пойдемъ. — Да и хорошо-таки, примолвилъ онъ. — Сообрази-ка, Адимантъ, вотъ что: стражи должны ли быть у насъ подражателями, или не должны? Впрочемъ и изъ прежняго слѣдуетъ, что всякій можетъ хорошо исполнять одну должность, а не многія; если же и беретъ на себя это, то, хватаясь за многое, ни въ чемъ не успѣетъ столько, чтобы заслужить одобреніе. — Какъ не слѣдуетъ? — Но не то же ли и о подражаніи? то-есть, въ состояніи ли кто-нибудь хорошо подражать многому, какъ одному? — Конечно нѣтъ. — Стало-быть, приступая къ достойнымъ вниманія дѣламъ, едва ли кто исполнить въ нихъ все, и подражая многому, едва ли сдѣлается подражателемъ, когда одни и тѣ же люди не въ состояніи хорошо подражать даже двумъ вмѣстѣ, повидимому, близкимъ родамъ подражанія,

С.

D.

E.

395.

то-есть сочинить комедію и трагедію¹. Или ты не назвавь ихъ подражаніями?—Назвавь, и твое мнѣніе справедливо, что одни и тѣ же люди не могутъ дѣлать этого. — Въдь и рапсодисты-то не могутъ быть вмѣстѣ актерами.—Правда. — У трагиковъ и комиковъ даже и актеры не тѣ же самыя, и все это—подражаніе. Или нѣтъ?—Подражаніе.—Да что еще, Адимантъ:—мнѣ кажется, будто человѣческая природа разсѣчена на малѣйшія части²; такъ что хорошо подражать многому и обращаться съ предметами, по отношенію къ которымъ подражанія суть подобія, она не въ состояніи.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Итакъ, если мы хотимъ удержать прежную свою мысль, то стражи у насъ, оставивъ всѣ другія искусства, обязаны быть тщательнѣйшими художниками общественной свободы; имъ не слѣдуетъ заниматься чѣмъ-либо, что не ведетъ къ этому; ничего-таки иного не должны они дѣлать и ничему иному не должны подражать. Когда же и будутъ, то ихъ подражаніе должно начинаться съ самаго дѣтства и быть приспособленнымъ къ ихъ обязанностямъ, чтобы, то-есть, сдѣлать ихъ мужественными, разсудительными, благочестивыми, свободными и тому подобное: а что не свободно или какъ иначе постыдно, то да будетъ чуждо ихъ дѣятельности и подражанія; ибо въ противномъ случаѣ подражаніе вещи познакомитъ ихъ съ самою вещію³. Или ты не зна-

¹ Повидимому, противное этому утверждаетъ Сократъ въ Симпосіонѣ (р. 223 D), гдѣ, смѣясь надъ Агатономъ, онъ говоритъ: *του αὐτοῦ ἀνδρὸς εἶναι κωμῳδίαν καὶ τραγῳδίαν ἐπίστασθαι ποιεῖν*.

² Говорится о малѣйшихъ и мельчайшихъ разницахъ между способностями, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другаго, и которыя потому остаются предметомъ, ни для кого неподражаемымъ, или точнѣе, — такимъ, какого никто въ полномъ совершенствѣ, чрезъ подражаніе, выразить не можетъ.

³ По-гречески: *ἵνα μὴ ἐκ τῆς μιμήσεως τοῦ εἶναι ἀπολαύσων*, иначе отъ подражанія они перейдутъ къ бытію, то-есть примутъ свойства тѣхъ вещей, которымъ подражали. Повѣркою этой мысли можетъ служить общество людей, въ которомъ человѣкъ постоянно вращается. Обращаясь съ тѣми или другими людьми, онъ начинаетъ подражаніемъ ихъ языку, обычаямъ, наклонностямъ и проч.; а оканчиваетъ тѣмъ, что самъ становится однимъ изъ членовъ избраннаго имъ общества.

ешь, что бывъ повторяемо съ юности, оно переходитъ въ нравъ и природу, отпечатлѣвается и въ тѣлѣ, и въ голо- сѣ, и въ умѣ. — И очень, сказалъ онъ. — Такъ не позво- лимъ, продолжалъ я, чтобы люди, о которыхъ мы заботим- ся и которые должны быть добрыми, — чтобы эти люди, будучи мужчинами, подражали женщинѣ — молодой или престарѣлой, ссорящейся съ мужемъ или ропщущей на бо- говъ и величающейся, почитающей себя счастливою или бѣдствующею, скорбящею, жалкою. Не наше дѣло, что Е. она страдаетъ, любить, или болѣзнуеть родами. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — И то — не наше, что служанки и слуги совершаютъ дѣла, приличныя слугамъ. — И это. — И то, что дурные люди, по обыкновенію, бываютъ мало- душны и дѣлаютъ противное тому, о чемъ мы говорили, то-есть злословятъ и осмѣиваютъ другъ друга, ведутъ по- стыдный разговоръ въ пьяномъ и даже въ трезвомъ видѣ, или грѣшатъ какъ иначе словомъ и дѣломъ противъ себя 396. и другихъ людей. Я думаю, что стражи не должны даже привыкать ни къ словесному ни къ дѣятельному пред- ставленію бѣшеныхъ. Нужно, безъ сомнѣнія, узнавать бѣше- ныхъ и лукавыхъ людей — мужчинъ и женщинъ: но со- вершать ихъ дѣла и подражать имъ не нужно. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Ну, а кузнецамъ и прочимъ мастеровымъ, перевощикамъ на весельныхъ судахъ и на- чальникамъ ихъ, либо другимъ въ этомъ родѣ людямъ нуж- но ли подражать? спросилъ я. — Да какъ же будутъ подра- жать тѣ, отвѣчалъ онъ, которымъ и вниманіе-то обращать на все такое не позволяется? — Ну, а ржанію лошадей, мы- чанію быковъ, шуму рѣкъ, реву морей, грому и всему по- добному будутъ ли они подражать? — Но вѣдь имъ запре- щено и приходитъ въ бѣшенство и подражать бѣшеному, сказалъ онъ. —

Стало-быть, сколько я понимаю тебя, бываетъ и та- кой родъ рѣчи, либо повѣствованія, въ которомъ можетъ повѣствовать человѣкъ истинно добрый и честный, когда С.

находить нужнымъ что-нибудь высказать; бываетъ опять и такой, который нисколько не походитъ на этотъ и котораго въ повѣствованіи всегда держится человѣкъ, по природѣ и воспитанію, противоположный первому ¹. — Какіе же это роды? спросилъ онъ. — Мнѣ кажется, продолжалъ я, что

- человѣкъ мѣрный, приступая въ своей повѣсти къ изложенію рѣчей или дѣйствій мужа добраго, захочетъ изобразить его такимъ, каковъ онъ самъ, и не будетъ стыдиться этого подражанія — ни тогда, когда доброму, дѣйствующему осмотрительно и благоразумно, подражаетъ во многомъ, ни тогда, когда его подражаніе доброму, страдающему либо отъ болѣзней, либо отъ любви, либо отъ пьянства, либо отъ какого-нибудь другаго несчастія, бываетъ невелико и ограничивается немногимъ. Но еслибы онъ встрѣтился съ человѣкомъ недостойнымъ себя, то не шутя, конечно, не согласился бы уподобиться худшему, — развѣ на минуту, когда бы этотъ худшій сдѣлалъ что
- Е. хорошее: ему было бы стыдно, что онъ долженъ отпечатлѣть въ себѣ и выставить типы негодяевъ, которыхъ мысленно презираетъ; а когда бы это и случилось, то развѣ для шутки. — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Итакъ въ повѣсти не воспользуется ли онъ тѣми замѣчаніями, которыя мы недавно сдѣлали, рассматривая пѣснопѣнія Омира? и хотя его рѣчь не будетъ чуждаться того и другаго способа, то-есть, и подражанія, и рассказа въ иномъ видѣ; однакожь подражаніе не войдетъ ли только въ малѣйшую часть длинной его рѣчи? Или я говорю пустяки? — Ты говоришь дѣльно, если въ самомъ дѣлѣ необходимъ
397. типъ такого ритора. — А кто не таковъ, продолжалъ я, тотъ чѣмъ хуже, тѣмъ болѣе будетъ рассказывать о всемъ

¹ Изгоняя изъ своего государства поэзію подражательную или драматическую, Платонъ одобряетъ однакожь расположеніе поэта подражать нравамъ добрымъ. А такъ какъ въ людяхъ меньше добраго, чѣмъ худаго, то писатель хорошій будетъ больше рассказывать, чѣмъ подражать, а худой — больше подражать, чѣмъ рассказывать. Отсюда у Платона два вида изложенія рѣчей, характеризующихся чрезъ противоположеніе ихъ одного другому.

и не признаетъ ничего недостойнымъ себя, такъ что рѣшится не шутя и предъ многими подражать всему, то-есть, какъ сказано выше, и грому, и шуму вѣтровъ, града, веретенъ, колесъ, трубъ, флейтъ, свирѣлей, и тонамъ всѣхъ инструментовъ, и даже звукамъ собакъ, овецъ и птицъ. Стало-быть, вся его рѣчь, составленная изъ подражанія голосамъ и образамъ, не будетъ ли заключать въ в. себя весьма мало разсказа? — Это тоже необходимо, отвѣчалъ онъ. — Такъ вотъ что я разумѣлъ, говоря о двухъ родахъ изложенія. — Да, они дѣйствительно таковы, сказалъ онъ. — Но одинъ изъ нихъ не малымъ ли подверженъ измѣненіямъ? и кто сообщаетъ рѣчи надлежащую гармонію и риѣмъ, тому, чтобы говорить справедливо, не приходится ли выражаться всегда почти однимъ и тѣмъ же способомъ, одною и тою же гармонією — (ибо измѣненія здѣсь невелики) — да и риѣмомъ-то приблизительно также одинаковомъ ¹? — Въ самомъ дѣлѣ, такъ бываетъ, сказалъ онъ. — Что жъ? а родъ рѣчи, свойственный другому, не требуетъ ли противнаго, то-есть всякихъ гармоній и всякихъ риѣмовъ, если говорить опять, какъ слѣдуетъ? Вѣдь формы измѣненій въ немъ весьма различны? — Это-то и очень несомнѣнно. — Такъ не всѣ ли поэты и говорящіе что-нибудь употребляютъ либо тотъ типъ рѣчи, либо этотъ, либо смѣшанный изъ того и другаго? — Необходимо, отвѣчалъ d. онъ. — Что же мы сдѣлаемъ? спросилъ я: всѣ ли эти типы примемъ въ свой городъ, или который-нибудь одинъ изъ несмѣшанныхъ, или смѣшанный? — Если нужно мое

¹ Здѣсь разумѣетъ Платонъ форму рѣчи повѣствовательную, чуждую подражанія. Она проста, разнообразна, и чѣмъ чище и возвышеннѣе изображаемое ею добро, тѣмъ менѣе въ ней измѣняемости. При описаніи добра, поэтъ не рассчитываетъ на эффектъ, потому что эффекты поражаютъ только чувственность и вызываютъ человека изъ области духа въ міръ скоропреходящихъ явленій. Кто изображаетъ добро въ чистотѣ его природы, тотъ увлекаетъ душу истинною и постоянною его красотою, а не модуляціями видимыхъ образовъ. Съ этой точки зрѣнія можно объяснять различіе между поэзією и музыкою религіозною и мірскою, и правильно судить, когда и отчего первая изъ нихъ можетъ унѣжать свое достоинство.

мнѣніе, сказалъ онъ, то примемъ несмѣшаннаго подражателя ¹ честному. — Однакожь, Адимантъ, пріятенъ вѣдь и смѣшанный; но дѣтямъ, воспитателямъ и большой толпѣ народа гораздо пріятнѣе противный ² тому, который Е. ты избираешь. — Да, весьма пріятенъ. — Но ты, можетъ быть, скажешь, что онъ не гармонируетъ съ нашимъ политическимъ обществомъ, поколику, то-есть, у насъ человѣкъ не двоится и не развлекается многими дѣлами, а дѣлаетъ каждый одно. — Безъ сомнѣнія, не гармонируетъ. — Значить, это общество будетъ имѣть въ кожевникѣ только кожевника, а не кормчаго сверхъ кожевническаго мастерства, въ земледѣльцѣ — только земледѣльца, а не судью сверхъ земледѣльческихъ занятій, въ военномъ человѣкѣ — только военнаго, а не ростовщика сверхъ военнаго искусства, и всѣхъ такимъ же образомъ? — Справедливо, сказалъ онъ. — А кто, повидимому, стяжавъ мудрость быть многоразличнымъ и подражать всему, придетъ съ своими твореніями, и будетъ стараться показать ихъ; тому мы поклонимся, какъ мужу дивному и пріятному, и сказавъ, что подобнаго человѣка въ нашемъ городѣ нѣтъ и быть не должно, помажемъ его голову благовоніями, увѣнчаемъ овечьєю шерстью и вышлемъ его въ другой городъ ³; са-

¹ Того подражателя, который описанъ выше — р. 396 С. Д. Е.

² Противнымъ избираемому почитается здѣсь тотъ, который описанъ выше, р. 397 А. Смѣшаннымъ, *κῆρᾶμενος*, называется онъ въ томъ смыслѣ, что, составляясь большею частію изъ подражаній, принимаетъ множество различныхъ формъ.

³ Это прекрасное мѣсто въ Платоновомъ Государствѣ всѣ критики достойно превозносили, но немногіе изъ нихъ правильно понимали его. Одни въ словахъ: *μύρον καταχέουτες, помажемъ голову* и д., видѣли обидную насмѣшку Платона; другимъ эта насмѣшка казалась тѣмъ обиднѣе и несправедливѣе, что они относили ее къ Омиру, такъ какъ въ его поэмахъ — вездѣ подражательность, всѣ лица вводятся говорящими сами отъ себя и за себя. *Дионисій Галикарн.* (Ер. de Plat. Т. VI, р. 756, ed. Reisk) говоритъ: «Платонъ, при многихъ достоинствахъ своей природы, былъ весьма самолюбивъ. Это выразилъ онъ особенно своею завистію Омиру, котораго, увѣнчавъ и помазавъ благовоніями, выслалъ изъ устрояемаго имъ государства.» Подобно этому утверждали: *Иосифъ* (с. Apion. II, § 36), *Миновичъ Феликсъ* (Octav. с. 22), *Максимъ Турскій* (Diss. 23, Т. I, р. 446. Diss. 24, р. 463). А нѣкоторые при этомъ, принимая въ соображеніе древній обычай жен-

ми же, ради пользы, обратимся къ поэту и баснослову болѣе суровому и не столь пріятному, который у насъ бу- В. деть подражать рѣчи человѣка честнаго и говорить сообразно типамъ, постановленнымъ нами въ началѣ, когда мы приступили къ образованію воиновъ. — Конечно такъ сдѣлаемъ, примолвилъ онъ, лишь бы это было въ нашей волѣ. — И такъ, музыка рѣчей ¹ и рассказовъ теперь у насъ, другъ мой, должна быть окончательно опредѣлена, сказалъ я; ибо показано, что и какъ надобно говорить. — Мнѣ и самому кажется, примолвилъ онъ. —

Не остается ли намъ послѣ этого рассмотреть еще образъ С. пѣсни и мелодій ²? спросилъ я. — Разумѣется. — Но не видно ли уже всѣмъ, что должны мы сказать объ ихъ качествахъ, если хотимъ быть согласны съ прежними положеніями? — Тутъ Главконъ улыбнулся и возразилъ: должно быть, я не принадлежу къ числу всѣхъ, Сократъ; потому что въ настоящую минуту не могу достаточно сообразить, о чемъ

щия, при извѣстномъ случаѣ, намазать ласточку и выпускать ее на волю, находили, будто Платонъ намащаль Омира въ смыслѣ этого самаго обычая. Θεοδορίτης (Gr. Aff. Cur. Serm. II, p. 22, ed. Sylb.) говорить: «превосходнѣйшій изъ философовъ, помазавъ Омира благовоніемъ, какъ женщины помазываютъ ласточекъ, выславъ его изъ устроимаго имъ города, потому что видѣлъ въ немъ учителя разврата и нечестія.» Иронію въ этихъ словахъ Платона пред- полагааетъ даже и Астъ. Но обращая вниманіе на предъидущія слова: *προσκυνούμεν ἂν αὐτὸν ὡς ἱερὸν καὶ θαυμαστὸν καὶ ἡδύον*, я думаю, что, во-первыхъ, эти слова Платона скорѣе можно относить къ трагикамъ, чѣмъ къ Омису, во-вторыхъ, всего приличнѣе принимать ихъ въ собственномъ смыслѣ, а не въ ироническомъ. Платонъ въ самомъ дѣлѣ высоко цѣнитъ даръ поэта-подражателя, какъ человѣка божественнаго, и по искреннему убѣжденію возлагаетъ на него вѣнокъ и намащаетъ его; но развиваемая имъ идея государственна, при всемъ томъ, не позволила ему принять его въ свой городъ. Такъ объясняетъ это мѣсто и Проклъ (in Plat. Polit. p. 360). А схолиастъ говорить: *μύρον καταχέειν ἐν τοῖς ἀγρωτάτοις ἱεροῖς ἀγαλμάτων θείμεις ἦν ἐρίῳ δὲ στέγειν, καὶ τοῦτο κατὰ ἱερατικὸν νόμον, ὡς ὁ μέγας Πρόκλος φησιν.*

¹ *Музыка речей*, то-есть гармонія содержанія и выраженія въ произведеніяхъ, предназначенныхъ для чтенія воспитывающемуся юношеству.

² По разсмотрѣніи содержанія рѣчей, опредѣливъ, какова должна быть форма или изложеніе ихъ, Платонъ переходитъ къ самому выраженію или рѣму тѣхъ сочиненій, которыя прилично и полезно слушать и читать юношамъ, имѣющимъ быть стражами созидаемаго города. Слѣдовательно онъ беретъ теперь во вниманіе музыкальность или музыкальную сторону рѣчи.

надобно бесѣдовать, а только догадываюсь. — Непремѣнно принадлежишь, замѣтилъ я, ибо, во-первыхъ, достаточно D. понимаешь, что мелодія слагается изъ трехъ частей: изъ словъ, гармоніи и риѐма. — Это-то такъ, отвѣчалъ онъ. — Но со стороны словъ, она, конечно, ничѣмъ не отличается отъ рѣчи невоспѣваемой, такъ какъ ея слова должны быть сообразны тѣмъ и такимъ типамъ ¹, о которыхъ мы говорили прежде? — Правда, сказалъ онъ. — А гармонія-то и риѐмъ будутъ слѣдовать словамъ. — Какъ же иначе? — Между тѣмъ въ рѣчахъ, сказали мы, не нужно ничего плаксиваго и печальнаго. — Конечно не нужно. — Какія же бываютъ E. гармоніи плаксивыя ²? Скажи мнѣ; ты вѣдь музыкантъ. — Смѣшанно-лидійская ³, мольно-лидійская и нѣкоторыя другія, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, ихъ надобно исключить, сказалъ я; потому что онѣ не полезны даже и женщинамъ,

¹ Упомяная о типахъ, Платонъ разумѣетъ содержаніе рѣчей, или тѣ характеры ихъ, о которыхъ говорилъ онъ прежде—р. 377 А—383 С. Тѣмъ типамъ должны соответствовать и самыя слова. Такимъ образомъ ученіе о выраженіи рѣчей поставляется въ тѣснѣйшую связь съ содержаніемъ ихъ именно посредствомъ словъ. Поэтому, не смотря на тройство условій мелодіи, слова у Платона остаются въ этомъ мѣстѣ безъ рассмотрѣнія, и дѣлается переходъ прямо къ опредѣленію гармоніи и риѐма, различіе между которыми онъ ясно показываетъ въ своемъ разговорѣ о законахъ (р. 665 А), гдѣ говоритъ, что «порядокъ движенія называется *риѐмомъ*; а настроеніе голоса, поколику онъ слагается изъ звуковъ высокихъ и низкихъ, носитъ имя *гармоніи*». Сравни Phileb. p. 17 D.

² О различіи, силѣ и характерѣ тоновъ въ греческой музыкѣ писали *Гераклидъ понтійскій* (у Атеней XIV, p. 624 D), *Аристотель* (Polit. VIII, 5, p. 327 sq., ed. Schneid.), *Бэксъ* (de metris Pindari T. I, P. II, p. 238 sqq.). На русскомъ языкѣ очень хорошо описываетъ законы и, исторію музыки вообще *Гессъ де-Калве* въ «Теоріи музыки».

³ *Смѣшанно-лидійская* — *μειζολυδιστική*. О гармоніи смѣшанно-лидійской упоминаетъ *Аристоксенъ* у Плутарха (de Musica p. 1136 D). «Гамма смѣшанно-лидійская, говоритъ онъ, имѣетъ характеръ патетическій, свойственный трагедіи.» По словамъ Аристоксена, изобрѣтательницею ея была Сафо, у которой потомъ переняли ее трагики. Аристотель (l. c.) говоритъ, что эта гамма, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, отличалась плаксивостію и твердостію. Кромѣ ея, Атеней упоминаетъ о двухъ другихъ: *τὴν οὖν ἀρωγὴν τῆς μελωδίας, ἣν οἱ Δωριεῖς ἐποιούοντο, Δώριον ἐκάλουν ἁρμονίαν· ἐκάλουν δὲ καὶ Αἰολίδα ἁρμονίαν ἣν Αἰολεῖς ἤδον*. А Штаффордъ насчитываетъ пять наклоненій или характеровъ греческой музыки: характеръ дорическій, лидійскій, фригійскій, іонійскій и эолійскій. Дорическій былъ самый твердый, фригійскій занималъ средину, а лидійскій былъ самый острый. Два другія наклоненія занимали интервалы между ними: іонійское стояло между.

которыя должны быть скромными, не только мужчинамъ. — Конечно. — Что же касается до упоенія, нѣги и расслабленія, то стражамъ это весьма несвойственно. — Какъ же иначе? — А какія бываютъ гармоніи разнѣживающія и пиршественныя (*συμπотικα*)? — Ионійская и лидійская, извѣстныя подъ именемъ расслабляющихъ, отвѣчалъ онъ. — Такъ ли способенъ ли ты ихъ, другъ мой, къ людямъ военнымъ? — Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; тебѣ остаются, должно быть, только дорійская и фригійская ¹. — Гармоній не знаю, при молвилъ я: оставь мнѣ ту, которая могла бы живо подражать голосу и напѣвамъ человѣка мужественнаго среди военныхъ подвиговъ и всякой напряженной дѣятельности, человѣка, испытавшаго неудачу, либо идущаго на раны и смерть, или впавшаго въ какое иное несчастіе, и во всѣхъ этихъ случаяхъ стройно и настойчиво защищающаго свою В. судьбу. Оставь мнѣ и другую, которая бы, опять, подражала человѣку среди мирной и не напряженной, а произвольной его дѣятельности, когда онъ убѣждаетъ и проситъ — либо Бога, посредствомъ молитвы, либо человѣка, посредствомъ

дорическимъ и фригійскимъ; а эолійское — между фригійскимъ и лидійскимъ. Дорическое наклоненіе имѣло характеръ важный и пылкій; эолійское — величественный; ионическое — строгій и грубый; а лидійское — пріятный и игривый. *Штафф*. Исторія музыки, стр. 142 сл.

¹ Объ этомъ мнѣніи Платона упоминаютъ *Аристотель* (de Rep. XIII, с. 7), *Аристидъ Квинтиліанъ* (I, p. 22), *Плутархъ* (de Music. p. 1136 E). Аристотель порицаетъ Платона, что онъ отвергъ τὰς ἀνειμένας ἁρμονίας и допустилъ въ свое государство только фригійскій характеръ гармоніи. Но это порицаніе, по справедливости, обращается въ вину не Платону, а самому Аристотелю. Первый, конечно, имѣлъ причины терпѣть въ своемъ городѣ только тѣ роды музыки, которые въ военное время могли возбуждать стражей къ мужеству и великодушію, а во время мира помогать разсудительности и умѣренности; прочіе же, служащіе къ возбужденію страстей и страстныхъ пожеланій, изгонялъ изъ устрояемаго имъ общества. Изъ двухъ, допускаемыхъ Платономъ, родовъ музыки, — фригійской и дорійской, первая способна была къ возбужденію энтузіазма и годилась на войнѣ, а послѣдняя успокаивала душу, настраивала ее на тонъ серьезный и потому полезна была во время мира. *Proclus* ap. Schol. ad h. l.: τὴν μὲν Δωρίων ἁρμονίαν εἰς παιδείαν ἐξαρκεῖν ὡς καταστηματοικόν, τὴν δὲ Φρύγιαν εἰς ἰερά καὶ ἐνθεασμούς ὡς ἐκστατικόν. Сравни. *Voeseh.* p. 289. Поэтому у Платона нерѣдко встрѣчается мысль, что тотъ живетъ хорошо, кто живетъ *δωριστί*. *Lach.* p. 188 D. 195 D. *Epistol.* VII, p. 336 D.

- наставленія и увѣщанія, — когда бываетъ внимателенъ къ прошенію, наставленію и убѣжденіямъ другаго и свою внимательность, по силѣ разумѣнія, оправдываетъ дѣломъ,
- C. когда онъ не кичится, но во всемъ этомъ поступаетъ разсудительно и мѣрно и довольствуется случайностями. Эти-то двѣ гармоніи—напряженности и произвола, людей несчастныхъ и счастливыхъ, разсудительныхъ и мужественныхъ,—эти двѣ оставь мнѣ гармоніи, наилучшимъ образомъ подражающія голосу.—Но ты приказываешь оставить именно тѣ, сказалъ онъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ.—Слѣдственно многострунность-то и всегармоничность въ пѣсняхъ и мелодіяхъ намъ не понадобятся, продолжалъ я.—Мнѣ кажется, нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Поэтому мы не будемъ содержать тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ тригоны, пиктиды и всѣ
- D. многострунные и многогармоничные инструменты ¹?— Кажется, не будемъ.—Ну, а дѣлателей флейтъ и флейщиковъ примешь ли ты въ городъ? вѣдь вся эта многострунность и всегармоничность не есть ли подражаніе флейтъ ²?—Явно, сказалъ онъ.—Значить, для пользы города, тебѣ оста-

¹ *Трионъ* былъ музыкальный инструментъ (треугольникъ), введенный въ употребленіе, вѣроятно, незадолго до временъ Платона; потому что исторія древнѣйшей музыкальной инструментовки о немъ не упоминаетъ. *Пиктида* — двадцатиструнный инструментъ, на которомъ играли пальцами. Изобрѣтателемъ ея былъ, кажется, Тимофеей, передѣлавшій семиструнную Орфееву лиру въ двадцатиструнную и образовавшій хроматическую гамму, за что изгнанъ былъ изъ Спарты, какъ нововводитель и извратитель прежней простой музыки. *Штафф*. Истор. муз. стр. 141.

² Изгоняя изъ своего государства всѣ музыкальные инструменты, снабженные излишнимъ количествомъ струнъ, до крайности оразнообразивавшіе гармонію, и чрезъ то вселявшіе въ душу женоподобіе и нѣгу страстей, Платонъ не пощадилъ и флейты, которой, еще прежде его, не любилъ и Пиеагоръ. По словамъ Ямблиха (Vit. Pythag. с. 25, р. 93), этотъ философъ τοὺς ἀλοῦς ὑπελάμβανε ὑβριστικὸν τε καὶ πανηγυρικὸν καὶ οὐδαμῶς ἐλευθέριον τὸν ἦχον ἔχειν, и потому совѣтовалъ своимъ ученикамъ ἀλοῦ μὲν αἰσθημένοις ἀκοῆν, ὡς πνεύματι μιανθεῖσθαι, ἀποκλιθεῖσθαι, πρὸς δὲ τὸ λύριον ἐνιαυτοῖς μέλει τὰς τῆς ψυχῆς ἀλόγους ὀρμὰς ἀποκαθαίρεισθαι. Впрочемъ устройство флейтъ было различно. См. Athenaei libr. IV, с. 80, р. 177. Первое изобрѣтеніе ея приписываютъ женѣ Кадма, Гармоніи; а Марсіасъ, современникъ Аполлона, изобрѣлъ двойную флейту. Этотъ инструментъ у Грековъ былъ любимымъ и, по ихъ мнѣнію, имѣлъ способность возбуждать страсти въ высшей степени. Флейты стоили очень дорого; говорить, что Исме-

ются лира и цитра, примолвилъ я; а пастухи въ полѣ будутъ употреблять свирѣль. — Наше разсужденіе приводитъ насъ именно къ этому, сказалъ онъ. — Такъ мы не дѣлаемъ Е. ничего новаго, другъ мой, продолжалъ я, когда Аполлона и инструменты Аполлоновы предпочитаемъ Марсіасу и инструментамъ Марсіаса ¹. — Да, ради Зевса, отвѣчалъ онъ, мнѣ кажется, ничего. — Вотъ же, клянусь собакою, сказалъ я, мы и не замѣтили, какъ очистили городъ, который прежде называли роскошествующимъ. — Да вѣдь мы люди-то разсудительные, примолвилъ онъ. — Пусть, сказалъ я; но очистимъ и прочее. Вѣдь послѣ гармоній-то у насъ должна быть рѣчь о размѣрахъ, чтобы, то-есть, намъ не гоняться за размѣрами различными и движеніями (βάσις) разнообразными ², а узнать, которыя изъ нихъ приличны жизни добродетельной и мужественной, и чтобы, узнавъ ихъ, за- 400. ставить принаровлять стопу и мелодію къ извѣстнымъ словамъ, а не слова къ стопѣ и мелодіи. Итакъ — твое дѣло сказать, какіе бываютъ размѣры, какъ прежде сказалъ ты о гармоніяхъ. — Но клянусь Зевсомъ, что этого сказать я не могу. Слѣдуя правиламъ, пожалуй, скажу, что есть три

ніасъ, славный музыкантъ коринескій, заплатилъ за одну изъ нихъ три таланта (3,737 р. с.). *Штафф.* стр. 118 слл.

¹ О состязаніи Марсіаса съ Аполлономъ я сказалъ кратко въ примѣчаніи къ Эвтид. р. 285 D. Какъ Марсіасъ изобрѣлъ двойную флейту; такъ Аполлону приписываютъ изобрѣтеніе лиры, которая потомъ приняла множество формъ и являлась подъ именами: форминксъ, цитра, хиликсъ, тестудо и проч. Въ этомъ мѣстѣ философъ хочетъ сказать, что лира, во всѣхъ ея измѣненіяхъ, больше идетъ къ стражамъ города, чѣмъ флейта и ея виды, слѣдовательно отдаетъ преимущество Аполлону предъ Марсіасомъ.

² Подъ именемъ различныхъ размѣровъ и разнообразныхъ движеній (βάσις) *Dio Chrysostomus* (de regno orat. II, р. 30 A. B. C) et *Longinus* (XXXIV, § 2) почитаютъ конечные звуки риема. Но, кажется, правильнѣе говорить Моръ, называя ихъ нумерическимъ движеніемъ, ходомъ риема, или тактомъ. У Аста же они называются основаніемъ риема или началомъ рѣчи риемической. Мнѣніе Мора подтверждается комментаріями на Гермогена (р. 381): *βάσις καλεῖται ἡ κατάληξις τῶν κώλων, ἢ καὶ ἀνάπαυσις λέγεται. Μεταφορικῆ δὲ λέξις ἀπὸ τῶν χορευτῶν. Τῆν γὰρ ἐν χρόνῳ βάσιν ὀρίζονται οὕτως οἱ μουσικοί· βάσις ἐστὶν ἔρπεισις καὶ εἴσεισις ποδῶν σημεῖωσις.* Итакъ *ρυθμὸς* въ этомъ мѣстѣ есть *numerus, βάσις* — *numeri seu rythmi scansio atque incessus.*

рода размѣровъ ¹, изъ которыхъ сплетаются движенія, подобно четыремъ ² звукамъ, изъ которыхъ образуются всѣ гармоніи: но какой жизни подражаетъ который изъ нихъ, В. сказать не въ состояніи.—Ну такъ посоветуемся и съ Дамономъ ³, которыя движенія свойственны низости, дерзости, бѣшенству и другому злу, и которые размѣры надобно оставить для противныхъ тому чувствованій. Кажется, я слыхалъ, хоть и неясно, что онъ упоминаетъ о какомъ-то размѣрѣ сложномъ браннозвучномъ, который называетъ то героическимъ, то дактилемъ, только не знаю, какъ составляетъ его и сообщаетъ ему одинакій характеръ съ высшимъ и низшимъ тономъ, когда онъ дѣлается короткимъ и

¹ Размѣръ или риемъ у Грековъ былъ совершенно отличенъ отъ нашего. Въ ихъ поэзи онъ опредѣлялся длиннѣе и короче произносимыми гласными, тогда какъ въ нашей опредѣляется силою голоса, или удареніемъ. На этомъ основаніи риемъ греческій называютъ количественнымъ, а новоевропейскій тоническимъ. Главныхъ размѣровъ или риемовъ у древнихъ принималось было три; потомъ къ тремъ прибавленъ былъ четвертый. Тѣ три были: *равный* (*ἴσος*), *полуторный* (*ἡμιόλιος*) и *двойной* (*διπλάσιος*). Въ равномъ риемѣ удлинненіе и укорачиваніе гласныхъ равномѣрно; въ полуторномъ одна гласная бываетъ вполонину короче или длиннѣе другой; а въ двойномъ одна вдвое долѣе или короче другой. *Воескх.* Pindar. T. I, P. II, p. 24. Сравни. Scatyl. p. 424 В. С. Равный риемъ изъ двухъ гласныхъ проявляется въ двухъ стопахъ: пиррихій (ο ο) и спондеѣ (— —); а когда въ него входятъ три гласныя,—образуются новыя двѣ стопы: трибрахій (ο ο ο) и молосусъ (— — —). Полуторный риемъ имѣетъ мѣсто при удлинненіи одной гласной послѣдующими двумя согласными, тогда какъ другая не удлинняется ими: отсюда, при двухъ гласныхъ выходятъ стопы: трохей (— ο) и ямбъ (ο —), а при трехъ, — вакхическія (— — ο), антивакхій (ο — —), критская (— ο —), анапестъ (ο ο —), амѣбрахій (ο — ο) и дактиль (— ο ο). Въ двойномъ риемѣ имѣютъ мѣсто тѣ же самыя стопы, какія и въ полуторномъ, и отъ послѣднихъ отличаются только тѣмъ, что одиѣ гласныя въ нихъ, не отъ ограниченія согласными, а по самой своей природѣ, вдвое короче другихъ.

² Здѣсь, кажется, надобно разумѣть первоначальный тетракордъ, о которомъ см. *Vorkel. Hist. Mus. T. I, p. 82, 322 sqq. Воескх. I. с. p. 204 sq.* Извѣстно, что первую мѣроу музыкальныхъ интерваловъ былъ изобрѣтенный Пифагоромъ гармоническій канонъ, или монокордъ. Но впоследствии этотъ испытатель музыкальныхъ пропорцій замѣненъ былъ четырехструннымъ орудіемъ или тетракордомъ.

³ Дамонъ былъ знаменитый, современный Сократу, музыкантъ, по свидѣтельству Плутарха (vit. Pericl. с. 4), бывшій учителемъ Перикла. О немъ упоминаетъ Платонъ также въ *Lach. p. 180 D, p. 200 A. Alcibiad. I, p. 109 D.* и ниже *de Rep. L. IV, p. 424 C.*

долгимъ. Упоминается у него также, кажется, о ямбѣ и о какомъ-то другомъ—трохеѣ, и опредѣляется ихъ долгота и С. краткость. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ движеніе стопы опъ, помнится, не менѣе порицаетъ и хвалитъ, какъ и самые размѣры, либо даже то и другое. Опредѣленно сказать объ этомъ не могу. Впрочемъ тутъ, какъ выше замѣчено, надобно сослаться на Дамона; потому что въ краткой рѣчи раскрыть это невозможно. Или ты думаешь иначе? — Не иначе, клянусь Зевсомъ. — А то-то можешь ли объяснить, что благоприличіе и неблагоприличіе слѣдуютъ благоразмѣренности и неблагоразмѣренности ¹? — Почему не такъ? — Вѣдь, что касается до благоразмѣренности и неблагораз- D. мѣренности, то первая подражаетъ хорошей рѣчи, а вторая противной; то же самое о гармоничности и негармоничности, если только размѣръ и гармонія, какъ выше положено, должны сообразоваться съ словомъ, а не слово—съ ними. — Да, ужъ конечно, имъ слѣдуетъ сообразоваться съ словомъ, сказалъ онъ. — Но образъ рѣчи и рѣчь? спросилъ я, — не сообразуются ли они съ нравомъ души? — Какъ не сообразоваться? — А съ рѣчью все прочее? — Да. — Стало-быть, и хорошій подборъ словъ, и гармоничность, и благоприличіе, и благоразмѣренность сообразуются съ благонаравіемъ; E. благонаравіе же у насъ — не недостатокъ ума, не простосердечіе въ смыслѣ ласки ², а дѣйствительно доброе и прекрасное свойство сердца со стороны нравственной. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Такъ не должны ли юноши стремиться къ этому во всемъ, если хотятъ дѣлать свое дѣ-

¹ Свойство риѣма, по ученію Платона, имѣетъ ближайшую связь съ характеромъ рѣчи; потому что и риѣмъ и характеръ рѣчи происходятъ ἀπὸ τῆς εὐηθείας и производятъ εὐτεχνουμένην, εὐρουθμίαν, εὐαρμοστίαν; а это τὸ ψῆφρονός τε καὶ ἁριστοῦ ἤθους ἀδελφά τε καὶ μίμημα. То-есть, музыка имѣетъ въ виду настроить душу πρὸς κατοχύρωσιν καὶ συμφωνίαν ἑαυτοῦ, какъ говорится Тим. р. 49 D; потому что πᾶς ὁ βίος εὐρουθμίας τε καὶ εὐαρμοστίας δεῖται. Protog. р. 326 В.

² Εὐθείας — простосердечный, означаетъ человѣка и добраго, и, δι' ὑποκρισινόν, глупаго. Поэтому Сократъ считаетъ нужнымъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ понимаетъ онъ здѣсь слово εὐθείας.

ло ¹? — Конечно должны. — Этимъ-то вѣдь все отпечатлѣ-
 401. вается и въ живописи, и въ каждомъ художествѣ; это всегда
 есть и въ тканѣ, и въ раскрашиваніи, и въ постройкѣ до-
 ма, и въ отдѣлкѣ всякой рухляди, даже въ природѣ тѣлѣ и
 растений: благоприличіе и неблагоприличіе имѣеть мѣсто
 вездѣ. И неблагоприличіе, неблагоразмѣренность, негармо-
 ничность суть сестры злословія и злонравія; а противныя
 свойства сродны противоположному, бываютъ сестрами, или под-
 ражаніями разсудительности и добраго нрава.—Совершенно
 справедливо, сказалъ онъ. —

- В. Но только ли поэтовъ должны мы ограничивать и при-
 нуждать къ тому, чтобы въ своихъ стихотвореніяхъ пред-
 ставляли они образы благонравія, либо ужъ и не писали
 бы у насъ, или требовать, чтобы и другіе мастера ни на
 живописныхъ картинахъ, ни на зданіяхъ, ни на какой иной
 художественной вещи не изображали ничего безнравствен-
 наго, постыднаго, низкаго и непристойнаго; а кто не мо-
 жетъ не дѣлать этого, тому не позволять работать у насъ,
 чтобы наши стражи, питающіеся образами зла, будто дурною
 С. травою, и каждый день собирая себѣ въ пищу постепенно
 многое отъ многихъ предметовъ, незамѣтно не скопили въ
 своей душѣ одного великаго зла? Не такихъ ли надобно
 искать художниковъ, которые могутъ благородно изслѣды-
 вать природу прекраснаго и благопристойнаго, чтобы юно-
 ши, живя будто въ какомъ здоровомъ мѣстѣ, получали
 пользу отъ всего, что ни приражается добраго къ ихъ зрѣ-
 нію или слуху, несясь подобно вѣтерку, навѣвающему здо-
 D. ровье отъ цѣлебныхъ мѣстъ, и незамѣтно, съ самаго дѣт-
 ства, приводя ихъ къ подобію, содружеству и согласію съ
 прекраснымъ словомъ? — Да, питаться такимъ образомъ
 было бы весьма хорошо, сказалъ онъ.—Поэтому-то, Глав-
 конъ, продолжалъ я, главнѣйшая пища не заключается ли
 въ музыкѣ, такъ какъ риѣмъ и гармонія особенно вѣдрия-

¹ *Дѣлать свое дѣло*, то-есть исполнять свои обязанности, какъ это открыва-
 ваетъ р. 406 E. Libr. IV, p. 433 A, al.

ются въ душу, весьма сильно трогаютъ ее и дѣлаютъ благоприсойною, если кто питается правильно, а когда нѣтъ,— Е. выходитъ противное? Притомъ воспитанный этимъ принадлежащему живо чувствуетъ, какъ скоро что упущено, или неловко отдѣлано, или нехорошо произведено. Бывъ расположенъ къ справедливому негодованію, онъ хвалить прекрасное, съ радостію принимаетъ его въ душу и, питаюсь имъ, становится честнымъ и добрымъ человѣкомъ, а по- 402. стыдное дѣло порицаетъ и ненавидитъ отъ самой юности, прежде чѣмъ можетъ дать себѣ въ томъ отчетъ. Когда же потомъ представляется причина, — съ любовію объемлетъ ее, какъ знакомую,—особенно тотъ, кто получилъ подобное воспитаніе. — Да, мнѣ кажется, сказалъ онъ, что въ музыкѣ есть для этого пища. — Слѣдовательно, какъ въ отношеніи къ грамотѣ, мы бываемъ достаточно свѣдущи тогда, когда извѣстны намъ тѣ не многія, но во все, что есть, входящія начала, и когда не презираемъ ихъ ни въ великомъ, ни въ маломъ, будто вещи, которыя не нужно В. знать, но стараемся вездѣ различать ихъ—въ той мысли, что не прежде можно сдѣлаться грамотнымъ, какъ получивъ такой навыкъ. — Правда. — Да и изображенія буквъ, если они отражаются либо въ водѣ, либо въ зеркалѣ, можемъ ли узнать, не узнавъ напередъ, посредствомъ того же искусства и старанія, что такое самыя буквы? — Безъ всякаго сомнѣнія, не можемъ. — Не такъ же ли, ради боговъ, и касательно предмета моей рѣчи? Сдѣлаемся ли мы музыкантами сами, либо сдѣлаемъ ли ими воспитываемыхъ С. нами стражей, прежде нежели узнаемъ виды разсудительности, мужества, благородства, величія и всего сроднаго имъ, равно какъ всего имъ противнаго и повсюду встречающагося,—прежде нежели ощутимъ ихъ вездѣ, гдѣ они есть—либо вещественно, либо въ своихъ образахъ, и ни въ малыхъ вещахъ, ни въ великихъ не будемъ презирать ихъ, но признаемъ достойными того же искусства и старанія?— Совершенно необходимо, сказалъ онъ. — Еслибы въ чьей-

- Д. будь душѣ, продолжалъ я, сошлись наилучшія черты нрава, и еслибы соотвѣтствующія имъ, согласныя съ ними, и имѣющія тотъ же характеръ, выступили на самое лицо; то не прекраснѣйшее ли было бы это зрѣлище для всякаго способнаго созерцателя? — И очень. — А самое прекрасное есть самое любезное. — Какъ же иначе? — И вѣдь такихъ-то особенно людей можетъ любить музыкантъ; а въ комъ нѣтъ этого согласія, того не можетъ. — Конечно не можетъ, примолвилъ онъ, когда оказывается недостатокъ въ душѣ; а
- Е. когда въ тѣлѣ, — переносить и охотно любить. — Знаю, замѣтилъ я, что у тебя есть, или былъ такой любимецъ, и соглашаюсь съ тобою; но скажи-ка мнѣ вотъ что: между разсудительностію и чрезмѣрною страстію бываетъ ли какое-нибудь общеніе? — Что за общеніе, когда страсть сводитъ съ ума не менѣе, чѣмъ скорбь? — А между ею и иною
403. добродѣтелью? — Никакого. — Ну, а между буйствомъ и распутствомъ? — Всего болѣе. — Но можешь ли поименовать страсть сильнѣе и живѣе чувственной любви? — Не могу, отвѣчалъ онъ; да не представляю и неистовѣе ея. — Вѣдь правильная-то любовь обыкновенно любить благонравное и прекрасное разсудительно и музыкально? — Конечно, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, къ правильной любви не должно относить ничего неистоваго и сроднаго съ распутствомъ? —
- В. Не должно. — Стало-быть, не должно относить къ ней и той страсти ¹: любители и любимцы, любящіе и любимые правильно не должны имѣть общенія съ нею. — Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, не должно относить. — Итакъ, въ учреждаемомъ городѣ ты, вѣроятно, постановишь такой законъ: любителю должно любить своего любимца, обращаться съ нимъ и прикасаться къ нему, какъ къ сыну, ради прекраснаго, которое онъ внушаетъ, — вообще бесѣдовать съ пред-

¹ *И той страсти*, то-есть чувственной любви. Разумѣеть сладострастіе, которое называется здѣсь любовію самою сильною и живою. Аристотелю этотъ взглядъ Платона не нравится (Polit. II, 2), и неудивительно; потому что любовь въ понятіи эмпириста не въ силахъ принимать значеніе любви идеальной.

метомъ своего попеченія такъ, чтобы отнюдь не казалось, будто онъ простираетъ свои желанія далѣе этого. Въ противномъ случаѣ онъ подвергается порицанію, какъ невѣжда С. въ музыкѣ и красотѣ. — Правда, сказалъ онъ. — Ну что? не кажется ли и тебѣ, что здѣсь конецъ нашей рѣчи о музыкѣ ¹? Вѣдь гдѣ надлежало ей окончиться, тамъ она и окончилась. Музыка чѣмъ должна кончить, какъ не любовью къ прекрасному? — Согласенъ, сказалъ онъ. —

Послѣ музыки-то уже надобно воспитывать юношей гимнастикой ². — Почему не такъ. — Вѣдь и это воспитаніе должно быть тщательно даваемо имъ во всю жизнь, съ самаго ихъ D. дѣтства. А состоитъ оно, какъ я думаю, въ чемъ-то такомъ: — впрочемъ, смотри и ты; вѣдь мнѣ не представляется, что у кого хорошо тѣло, у того оно собственною силою образуетъ добрую душу; напротивъ, я думаю, что добрая душа собственною силою доставляетъ возможно наилучшее тѣло. А тебѣ какъ представляется? — И мнѣ такъ же, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, если, достаточно раскрывъ мышленіе, мы передадимъ ему попеченіе о тѣлѣ, а сами, для избѣжанія

¹ Всякое ученіе о музыкѣ, по разумнью Платона, должно направляться къ возбужденію души и къ возвышенію ея до способности созерцать истинное, доброе и прекрасное. А какъ это бываетъ, философъ превосходно объясняетъ въ Симпосіонѣ р. 200 A sqq. до 212 A. Впрочемъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона, понятіе о музыкѣ принимается въ смыслѣ обширномъ.

² Сократъ во второй книгѣ (р. 376) сказалъ, что весь кругъ образованія стражей города опредѣляется музыкою, подъ которою разумѣются такъ называемыя свободныя науки, и гимнастикой. Обѣ эти науки, по ученію Платона, соединены между собою тѣснѣйшимъ образомъ; такъ что, при недостаткѣ той или другой, воспитаніе юношей не можетъ быть удовлетворительно, то-есть не сдѣлаются они столь же образованными, какъ и мужественными. Музыки и гимнастики Платонъ не отдѣляетъ одной отъ другой, какъ отдѣляетъ онъ душу и тѣло. По его понятію, одна гимнастика не можетъ сообщить тѣлу надлежащую крѣпость и благообразное развитіе, но ожидаетъ предварительнаго дѣйствія музыки на душу, чтобы силою души благотворно развивалось потомъ самое тѣло. Съ другой стороны, и одна музыка не можетъ успѣшно и гармонически настроить душу, но хочетъ пособіе къ своему развитію находить и въ тѣлѣ, поставленномъ подъ вліяніе гимнастики. Поэтому нисколько не удивительно требованіе Платона, чтобы стражи города *ἐκ παιδῶν διὰ βίου* занимались гимнастикой. Lib. III, р. 410 C, IX, р. 591 D.

- Е. многословія, постановимъ нѣсколько типовъ ¹; то не правильно ли поступимъ? — Безъ сомнѣнія, правильно. — Вѣдь мы уже сказали, что отъ пьянства стражи должны воздерживаться; потому что напиться и не знать, гдѣ находишься, можетъ быть простибельнѣе всякому, чѣмъ стражу. — Да, смѣшно, когда стража-то надобно караулить, примолвилъ онъ. — Но что скажемъ еще о пищѣ? Вѣдь эти люди — борцы, подвизающіеся на великомъ поприщѣ ²; не правда ли? — Да. — Такъ не будетъ ли приличенъ имъ образъ жизни
404. подвижниковъ? — Можетъ быть. — Но этотъ образъ жизни какъ-то сонливъ и для здоровья опасенъ, сказалъ я. Развѣ не видишь, что подвижники просыпаютъ свою жизнь и, если хоть немного отступаютъ отъ принятаго правила, непременно подвергаются великимъ и сильнымъ болѣзнямъ? — Вижу. — Стало-быть, военнымъ борцамъ, сказалъ я, нужно какое-нибудь лучшее подвижничество; по крайней мѣрѣ имъ, какъ собакамъ, необходимо бодрствовать, сколько возможно острѣе видѣть и слышать и, часто во время войны
- В. употребляя перемѣнную воду и пищу, перенося зной и холодъ, имѣть довольно крѣпости для сохраненія здоровья. — Мнѣ кажется. — Такъ наилучшая гимнастика не есть ли подруга той простой музыки, о которой мы недавно разсуждали? — Какую разумѣешь ты? — Простая и настоящая гимнастика, думаю, есть особенно военная. — Какъ это? — Да это всякій можетъ узнать и отъ Омира, сказалъ я: тебѣ вѣдь извѣстно, что въ военное время онъ кормитъ своихъ героевъ не рыбою, хотя это было близъ моря, у С. Геллеспонта, и не варенымъ мясомъ, а только жаренымъ,

¹ Словомъ τύπος у Платона означаетъ общая характеристическая черта, отличающая, на примѣръ, извѣстный родъ рѣчи, разсужденія, стихотворенія, которое чертами частными опредѣлять было бы долго. Поэтому типами или типическими изображеніями обыкновенно пользуются для краткости. *Aristot. Ethic. L. II. Καθ' ἑλοῦ δὲ καὶ τύποι λέχθεν ταχ' ἂν ἴσως ἔχοι.* Protog. 344 B, al.

² То-есть борцы на поприщѣ защищенія и охраненія свободы отечества. Lach. p. 182 A. *Demosth. c. Aristogit. p. 799*, гдѣ упоминаются ἀθληταὶ τῶν καλῶν ἔργων.

которое для воиновъ особенно удобно, потому что вездѣ, какъ говорится, имѣть подъ руками огонь гораздо удобнѣе, чѣмъ возить съ собою посуду. — И очень. — Омиръ кажется, нигдѣ не упоминаетъ и о лакомствахъ. Впрочемъ, это-то знаютъ и другіе подвижники; то-есть, кто хочетъ быть здоровъ тѣломъ, тотъ долженъ воздерживаться отъ всего подобнаго. — Да и справедливо, сказалъ онъ; знаютъ и воздерживаются. — Если же это кажется тебѣ справедливымъ, другъ мой; то ты, вѣроятно, не хвалишь сиракузскаго стола и сицилійскаго разнообразія кушаньевъ ¹. — Не думаю хвалить. — Слѣдовательно, порицаешь и коринѣскую дѣвицу ², что она любитъ мужчинъ, общающихся много тѣлесности. — Безъ сомнѣнія. — И кажущуюся пріятность аттическихъ лакомствъ ³? — Необходимо. — Потому что всякую этого рода пищу и такую діету мы справедливо можемъ уподобить мелодіи и пѣсни, въ которой сходятся всѣ гармоніи и риемы ⁴. — Какъ не уподобить? — И если тамъ разнообразіе есть мать распутства, то здѣсь оно — источникъ болѣзней. Напротивъ, простота въ музыкѣ водворяетъ въ душу разсудительность, а простота въ гимнастикѣ сообщаетъ тѣлу здоровье. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Когда же въ городѣ распространяются развратъ и болѣзни; тогда не открывается ли въ немъ множества судилищъ и врачебницъ? не приобрѣтаютъ ли уваженія судебное и врачебное искусство? тогда не стараются ли заниматься ими и многіе люди благородные? — Да, какъ не быть этому? — Слѣдовательно, что примешь ты за яснѣйшій признакъ худаго и постыднаго воспитанія въ городѣ — какъ не то, что не одинъ черный народъ и низ-

¹ Сицилійскіе столы вошли у Грековъ въ пословицу. *Ast. ad h. l. Mitscherlich ad Horat. od. III, 1. 19. Сн. Gorg. p. 518 В. С.*

² О развратной жизни Коринѣянъ говорили многіе. Съ этимъ мѣстомъ сравн. *Maxim. Tyr. Diss. III, 3. XXVII, 5. Themist. orat. XXIV, p. 301 В.*

³ Объ аттическихъ лакомствахъ много рассказываетъ Атенея *Libr. III, p. 101 D. E. p. 109 sqq.*

⁴ Имѣть въ виду *p. 399 С. D.*

- шіе ремесленники, но и люди, прикидывающіеся воспитанными по правиламъ людей благородныхъ, имѣютъ нужду въ ученѣйшихъ врачахъ и судьяхъ? Развѣ не стыдъ и не великій признакъ невѣжества — поставить себя въ необходимость пользоваться справедливостію, навязанною другими, будто господами и судьями, за неимѣніемъ собственныхъ? — Конечно, всего постыднѣе, отвѣчалъ онъ. — А не кажется ли тебѣ, сказалъ я, что и того постыднѣе, когда кто не только тратитъ большую часть своей жизни въ судахъ, то защищаясь, то нападая, но еще, по незнанію хорошаго, почитаетъ пищею тщеславія именно то, что онъ искусенъ въ нанесеніи обиды и способенъ ко всякой изворотливости,
- С. что разсматривая всѣ исходы дѣла, онъ разными уловками можетъ отвратить ¹ отъ себя наказаніе, — и все это для вещей маловажныхъ, ничего нестоющихъ, забывая, насколько похвальнѣе и лучше проводить жизнь такъ, чтобы не имѣть никакой надобности въ дремлющемъ судѣ ²? — Да, это-то еще болѣе постыдно, чѣмъ прежде, сказалъ онъ. — Равнымъ образомъ имѣть нужду во врачевномъ искусствѣ, не для ранъ и не для какихъ-нибудь болѣзней, производимыхъ временами года, а для нашего бездѣйствія и упомянутой діеты, которая начиняетъ насъ, будто болото, жидкостями и парами, и заставляетъ почтенныхъ асклепиадовъ — давать болѣзнямъ имена флюса и катарры, не кажется ли тебѣ постыднымъ? — И конечно, отвѣчалъ онъ; эти названія болѣзней, въ самомъ дѣлѣ, новы и странны. — Во времена Асклепія такихъ, какъ мнѣ кажется, не бывало, примолвилъ я: основываю свою догадку на томъ, что

¹ Отвратить отъ себя наказаніе—*ἀποτραφῆναι λυγίζόμενος*.... вмѣсто обыкновеннаго *λυγίζόμενος*, которое здѣсь менѣе уместно, чѣмъ первое. *Λυγίζεσθαι* употребляется для выраженія дѣйствія сражающихся мечами или шпагами, когда гладиаторы стараются отпарировать удары одинъ другаго. Scholiast. ad h. l. *λυγίζόμενος* *στρεφόμενος*, *καμπτόμενος ἀπὸ τῶν λόγων*. *Λύγως δὲ ἐστὶ φυτόν ἰκαντῶδες*. То же почти говоритъ *Свида* Т. II, р. 465 et *Photius* р. 200 Т. II, ed. Lips.

² Въ такомъ, то-есть, судѣ, который допускаетъ нарушеніе правъ и потворствуетъ несправедливости.

его сыновья ¹ подъ Троею не порицали Гекамеды, когда Е. раненому Эврипилу она дала выпить прамнійскаго вина ², посыпавъ его изобильно мукою и наскобливъ на него сыру, что, повидимому, должно было произвести воспаленіе. Не бранили они также за леченіе и Патрокла. — Между 406. тѣмъ это питье для человѣка въ такомъ положеніи дѣйствительно-таки странно, сказалъ онъ. — Не странно, если вспомнишь, замѣтилъ я, что до появленія Иродика ³, у асклепиадовъ не было педагогики болѣзней въ смыслѣ нынѣшняго врачебнаго искусства. Иродикъ былъ учредитель гимназіи и, по случаю своей болѣзни, смѣшавъ гимнастику съ врачебнымъ искусствомъ, сперва жестоко мучилъ са-

¹ Сыновья Асклепія — Махаонъ и Подалиръ, см. Hom. Iliad. II, 729. Сократъ имѣетъ въ виду мѣсто Iliad. XI, 623 sqq. и 829 sqq., гдѣ, однакожъ, Гекамедда даетъ напитокъ не Эврипилу, а Махаону, и гдѣ Патроклъ подноситъ раненому Эврипилу не напитокъ, а прикладываетъ къ его ранѣ истертый въ порошокъ корень. Поэтому Астъ имя Эврипила и слова οὐδὲ Πατρόκλω — ἐπέτιμασαν почитаетъ вставными. Но что этотъ текстъ не поврежденъ, видно изъ того, что объ Эврипилѣ упоминается и ниже — р. 408 А. Гораздо лучше объясняетъ это Шнейдеръ: Memorabilis hic locus, говоритъ, ad historiam carminum Homericorum est, et princeps, ni fallimur, in genere eo, de quo disputavit Wolfius in Prolegom. Sect. XI. Quamquam vereor, ut recte haec scripserit, si quidem ipse Plato (Ion. p. 508 С.) rem ita narrat, ut prorsus cum Homero consentiat. Itaque scriptorem putavimus memoria lapsum rem nunc minus diligenter narravisse ac duos Homeri locos commiscuisse.

² О прамнійскомъ винѣ см. Interprg. ad Iliad. XI, 638. Odys. X, 235. Athen. lib. 1, р. 16, 30 А В, который особенно превозноситъ врачебное его свойство, говоря, что оно φλεγματικὴ ἐναρκιστάτου. Подробнѣе разсуждаетъ о немъ Астъ ad Theophr. р. 69.

³ Иродикъ салимврійскій былъ знаменитый содержатель гимназіи въ Афинахъ и учитель гимнастики. См. Protag. р. 316 Е. Онъ первый ввелъ въ употребленіе гимнастику, какъ средство не для укрѣпленія силъ въ здоровомъ еще тѣлѣ, а для возстановленія человѣка, когда онъ страдалъ уже болѣзнію; слѣдовательно онъ первый гимнастику приложилъ къ медицинѣ. Платонъ укоряетъ его за такое измѣненіе дѣли гимнастическихъ упражненій, по той причинѣ, что асклепиады прежде либо скоро возвращали больнымъ здоровье, либо, если исцѣлить ихъ было нельзя, оставляли ихъ умереть; а онъ дѣлалъ то, что бѣдныя жертвы болѣзней должны были страдать многіе годы. О такомъ приложеніи гимнастики къ медицинѣ пишетъ и Галенъ (de art. san. tuendi etc. ad Thrasybul. § 33), и Инократъ (de morbis epidem. lib. VI, § 3): они свидѣтельствуютъ, напримѣръ, что Иродикъ лечилъ лихорадку усиленными и дальними прогулками и многократными припарками. Явно, что въ область его гимнастики входила и діететика: но средства діететическія употребляли противъ болѣзней и асклепиады. См.

- В. мого себя, а потомъ и многихъ другихъ. — Какъ же это? спросилъ онъ. — Сдѣлавъ свою смерть долговременною, отвѣчалъ я. Слѣдя, то-есть, за болѣзною ¹, которая была смертельна, онъ хотя и не могъ, думаю, вылечить себя; однакожь ничѣмъ не занимаясь и лечась всю жизнь, жилъ въ мученіяхъ, какъ бы не отступить отъ принятой діеты, и подъ руководствомъ мудрости борясь съ смертію, дожилъ до позднихъ лѣтъ. — Такъ прекрасную же получилъ онъ награду
- С. за свое искусство ², сказалъ Главконъ. — Какую слѣдовало получить тому, примолвилъ я, кто не зналъ, что Асклепій не показалъ потомкамъ такого леченія — не по невѣднію или неопытности, а сознавая, что на каждаго человѣка, управляющагося хорошими законами, возложена въ городѣ какая-нибудь должность, и что никому нѣтъ времени такъ лечиться, чтобы хворать во всю жизнь. Это — смѣшно сказать — оправдывается на мастеровыхъ; а между людьми богатыми и повидимому счастливыми мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. — Какимъ образомъ? спросилъ онъ. — Если заболѣваетъ плотникъ, отвѣчалъ я, то просить у врача лекарства и, выпивъ его, либо изbleвываетъ болѣзнь, либо очищается отъ ней низомъ, либо, для избавленія себя, пользуется прижиганіемъ и надсѣченіемъ; а когда стануть предписывать ему долговременную діету, обвязывать его голову мягкими повязками ³ и такъ далѣе, — онъ тотчасъ го-

Eustath. ad *Plad.* l. p. 859. 40: *καὶ γὰρ τὸ χειρουργικὸν καὶ φαρμακευτικὸν μόνον εὐρησθαι παρὰ τοῖς παλαιοῖς, τοῦ δὲ διαίτητικῆς Ἰπποκράτην μὲν κατάρξει, Ἡρόδικον δὲ συντελεῖται καὶ Πραξαγόραν καὶ Χρυσίππον.* Кому это мнѣніе Платона покажется жестокимъ и безчеловѣчнымъ, тотъ долженъ вспомнить, что въ Платоновомъ государствѣ, какъ образецъ совершеннѣйшей жизни, никому не позволяется *σχολῆν διὰ βίου κάμνειν*, но всякій долженъ дѣлать свое дѣло. Въ этомъ государствѣ и силы и жизнь принадлежать не недѣлимому, а обществу; и если ихъ недостаетъ, недѣлимое должно выдти изъ той среды, въ которой и само оно не можетъ быть счастливо, и другимъ не въ состояніи приносить пользу.

¹ *Слѣдя за болѣзною*, стараясь т. е. гимнастическими средствами чинить организмъ, по мѣрѣ открывающихся въ немъ поврежденій.

² Слова Главкона сказаны, очевидно, иронически: прекрасную же награду получилъ Иродикъ, что страданія свои протянулъ черезъ многіе годы.

³ Мягкія повязки, у Платона — *παλίδικα*, что-то въ родѣ шапочекъ, имѣвшихъ

ворить, что ему хворать некогда и нѣтъ пользы жить, обращая вниманіе на болѣзнь и не заботясь о настоящей работѣ. Послѣ сего, распрощавшись съ такимъ врачомъ, **Е.** онъ обращается къ обыкновенной своей діетѣ, выздоравливаетъ и живетъ, занимаясь своимъ дѣломъ; если же тѣло не въ силахъ перенести болѣзнь,—умираетъ и оставляетъ всѣ дѣла.—Съ подобными людьми врачебное искусство такъ и должно обходиться, сказалъ онъ.— Не потому ли, спросилъ я, что у нихъ были дѣла, которыхъ если не дѣлать имъ, то и жить не для чего?—Очевидно, отвѣчалъ онъ.— Но вотъ богатый, какъ мы сказали, не имѣетъ такого **407.** самостоятельнаго дѣла, воздерживаясь отъ котораго, онъ считалъ бы и жизнь не въ жизнь.— Да говорятъ, что такъ.— Вѣдь ты не слушаешь ¹ Фокилида, когда онъ говоритъ, что у кого уже есть хлѣбъ, тотъ долженъ еще выработать добродѣтель.— Добродѣтель, мнѣ кажется, даже прежде, сказалъ онъ.— Не будемъ спорить объ этомъ съ Фокилидомъ, продолжалъ я, но постараемся прояснить для самихъ себя, долженъ ли богатый человѣкъ заботиться о добродѣтели, чтобы, безъ заботливости о ней, жизнь была не въ жизнь, **В.** или протягиваніе болѣзни, отвлекающее внимательность плотническаго и всякаго другаго искусства, богатому не препятствуетъ исполнять предписаніе Фокилида ².— О, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, — та излишняя заботливость о тѣлѣ, выступающая изъ предѣловъ гимнастики, почти всего

полезное дѣйствіе на голову. О такихъ шапочкахъ упоминають *Demosthen. de fals. legat.* p. 431. 22, ed. Reisk. *Schaefer. Apparat.* T. II, p. 670 sq.

¹ Ты не слушаешь, то-есть не одобряешь Фокилида, потому что смотришь на жизнь, какъ на средство приобрѣтать деньги, или, какъ говоритъ Гораций (*Epist.* I, I. 55): *O cives, cives, quaerenda pecunia primum est, virtus post nummos.*—смотришь такъ на жизнь — значить терять изъ виду истинную ея цѣль. Поэтому Полемархъ далѣе говоритъ, что добродѣтель должна быть приобрѣтаема прежде денегъ.

² Эти вопросы Сократа представляются нѣсколько темными. Сократъ говоритъ: нужно ли богатымъ постоянно заботиться о добродѣтели, такъ чтобы они не имѣли возможности заниматься долговременнымъ леченіемъ болѣзней, или попеченіе о разстроенномъ здоровьѣ не препятствуетъ имъ исполнять предписанную Фокилидомъ обязанность?

- болѣе препятствуетъ этому: она неудобна ни для управленія хозяйствомъ, ни для занятій война, ни для поставленныхъ въ городѣ властей, особенно же досадительна для всякихъ наукъ, для внимательнаго размышленія съ самимъ собою, возбуждая опасеніе, какъ бы не произошло напряженія и круженія головы, и причину этого находя въ философіи; такъ что гдѣ та заботливость есть, тамъ исполненіе и проявленіе добродѣтели совершенно невозможно; ибо ею всегда возбуждается мысль, что ты болѣнъ, при ней никогда не перестаешь жаловаться на тѣлесныя страданія.—
- Итакъ не скажемъ ли, что этою-то мыслию водился и Асклепій, когда людямъ, по природѣ и образу жизни, тѣлесно здоровымъ, и только носящимъ въ себѣ какую-нибудь болѣзнь мѣстную, указывалъ такое врачебное искусство, которое изгоняетъ недуги лекарствами, либо надсѣченіями, предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенную діету, чтобы не повредить дѣламъ общества, а тѣла, внутренно и всецѣло пораженныя болѣзнію, не рѣшался исчерпывать и наливать понемногу, чтобы доставить человѣку долгую и несчастную жизнь и произвести отъ него, какъ надобно думать, другое такое же поколѣніе; напротивъ, кто назначенаго природою періода прожить не можетъ, того, какъ человѣка, неполезнаго ни себѣ самому, ни городу, положили и не вѣчать?—По твоему мнѣнію, Асклепій былъ политикъ, сказалъ онъ.—Очевидно, примолвилъ я. Это могли бы доказать и сыновья его. Развѣ не видишь, что подѣ Троюю 408. они и хороши были въ сраженіи, и владѣли, какъ я говорю, искусствомъ врачеванія? Развѣ не помнишь, что изъ раны, которую Пандаръ нанесъ Менелаю, —

Они выжали кровь и потомъ приложили пригодныя травы ¹? А что надлежало ѣсть или пить,—предписывали не больше, какъ и Эврипилу, — въ той мысли, что для мужей, которые до полученія ранъ были здоровы и по діетѣ воздерж-

¹ *Нот.* *Iliad.* IV, 218. Этотъ стихъ нѣсколько измѣненъ Платономъ.

ны, довольно и однихъ лекарствъ, хотя, еслибы случилось, **В.** тотчасъ же пили они искусственно составленный напитокъ. Напротивъ, жить больному по природѣ и невоздержному не почиталось полезнымъ ни у нихъ, ни у другихъ; для такихъ людей не должно быть искусства, такихъ ненадобно лечить, хотя бы они были богаче Мидаса ¹.—Ты слишкомъ превозносишь сыновей Асклепія, сказалъ онъ.—Слѣдуетъ, отвѣчалъ я, — хотя трагики и Пиндаръ ² не вѣрятъ намъ: называя Асклепія сыномъ Аполлона, они говорятъ, что убѣжден- **С.** ный золотомъ, Асклепій исцѣлилъ одного едва не умершаго богача и за то пораженъ былъ громомъ. Мы, какъ объяснили выше, не слушаемъ ихъ ни въ томъ, ни въ другомъ, но скажемъ, что если онъ былъ божій, то не корыстолюбивъ, а когда корыстолюбивъ, то не божій. — Это-то совершенно справедливо, примолвилъ онъ. Но что скажешь, Сократъ, вотъ о чемъ: городъ не долженъ ли пріобрѣсти себѣ добрыхъ врачей? а добрыми врачами могли бы быть вѣроятно тѣ, которые имѣли бы на своихъ рукахъ множество и здоровыхъ и больныхъ; равно какъ и судьи **D.** имѣють дѣло съ различными природами. — Безъ сомнѣнія, нужны добрые, сказалъ я; но знаешь ли, кто представляется мнѣ такимъ?—Да, если скажешь, отвѣчалъ онъ.— Постараюсь, примолвилъ я; только однимъ и тѣмъ же вы-раженіемъ ты спрашиваешь меня не объ одномъ и томъ же предметѣ.—Какъ? сказалъ онъ.—Врачи сдѣлаются совершеннѣйшими, продолжалъ я, если, начавъ съ дѣтства, будутъ не только изучать свое искусство, но и заниматься

¹ Платонъ имѣлъ въ виду *Tyrtæi Eleg. III, v. 6. οὐδ' εἰ Τιθωνοῦ φύην χαρίεστερος εἶη, Πλουτοῖη δὲ Μίδω καὶ Κινύρῳ βαδίων.* На эти же слова указываетъ онъ *legg. III, p. 660 E. Ἐκὼ δὲ ἕρα πλουτῆ μὲν Κινύρα τε καὶ Μίδα μᾶλλον.* Сравни *Ovid. Metam. XI, v. 102.*

² О томъ, что Асклепій оживилъ мертвеца, см. *Pindar. Pyth. III, v. 96 sqq. Creuzer. Symb. II, p. 357. Boeckh. ad Pindar.* говоритъ: «*Mercede id captum Aesculapium fecisse recentior est fictio, Pindari fortasse ipsius, quem tragici sequuti sunt, haud dubie a medicorum avaris moribus profecta, qui græcorum medicis nostrisque communes sunt.*» Въ Греціи врачи соглашались пользоваться не иначе, какъ за большія деньги. *Oeconom. civit. Athen. T. I, p. 132.*

- Е. весьма многими и очень худыми тѣлами, да и сами на себѣ переиспытываютъ всѣ болѣзни и по природѣ окажутся неслишкомъ здоровыми; потому что тѣло лечатъ они, думаю, не тѣломъ,—иначе тѣла не позволили бы себѣ когда-либо быть и дѣлаться худыми, — но тѣло душою, которая, будучи или сдѣлавшись худою, не можетъ хорошо пользоваться что-нибудь. — Справедливо, сказалъ онъ. — Напротивъ судья, другъ мой, душою начальствуетъ надъ душою: поэтому ей непозволительно съ юныхъ лѣтъ воспитываться и обращаться съ душами развратными и переиспытывать всѣ роды пороковъ, чтобы по своимъ собственнымъ проницательно угадывать пороки другихъ, какъ по тѣлу угадываютъ болѣзни; но каждая съ-молоду должна развиться невинною и незапятнанною дурными привычками, если надобно ей сдѣлаться прекрасною и доброю и судить о справедливомъ здраво. Потому-то юноши добронравные кажутся и простодушными, легко подчиняющимися.
- В. ся обману со стороны порочныхъ, что не знаютъ примѣровъ, подобострастныхъ примѣрамъ лукавцевъ.—Въ самомъ дѣлѣ, они много терпятъ отъ этого, сказалъ онъ.— И вотъ почему добрымъ судьей, продолжалъ я, долженъ быть не юноша, а старецъ, пріобрѣтшій позднее знаніе о томъ, какова бываетъ несправедливость, и ощутившій ее, не какъ собственную — въ своей душѣ, а какъ чужую, чрезъ долговременное обращеніе съ душами другихъ и чрезъ наблюденіе, каково по природѣ зло, пользуясь, то-есть, знаніемъ, а не собственною опытностію.—Да, такой судья, вѣроятно, былъ бы благоразумнѣйшимъ человѣкомъ,

¹ Врачъ, еслибы онъ лечилъ тѣла собственнымъ своимъ тѣломъ, никакъ не позволилъ бы своему тѣлу быть въ состояніи, противоположномъ состоянію того тѣла, на которомъ лежитъ обязанность лечить: тѣло врача, еслибы врачевало оно, а не душа, по значенію и цѣли врачебнаго искусства, не должно было бы подвергаться болѣзнямъ; потому что оно, какъ тѣло лечащее, должно быть нормою и канонемъ здоровья. Стало-быть, если врачъ, страдая разными болѣзнями, тѣмъ не менѣе признаетъ себя и продолжаетъ быть врачомъ, то единственно на томъ основаніи, что онъ лечитъ не тѣломъ, а душою.

сказалъ онъ.—И добрымъ, о какомъ ты спрашивалъ¹, замѣтилъ я. Въдѣ имѣющій добрую душу добръ: напротивъ тотъ, человекъ бойкій и склонный подозрѣвать зло,—тотъ, почитающій себя способнымъ и мудрымъ и надѣлавшій самъ много несправедливостей, обращаясь съ подобными, представляется искусно осторожнымъ, потому что смотритъ на собственные примѣры; а сближаясь съ людьми добрыми и D. старѣйшими, тотчасъ является онъ глупымъ, потому что современному не довѣряетъ и, не имѣя въ себѣ примѣровъ благонаравія, незнакомъ съ нимъ. Между тѣмъ, встрѣчаясь болѣе съ порочными, нежели съ честными, онъ и себѣ и другимъ кажется болѣе мудрецомъ, нежели невѣждою. —Это, безъ сомнѣнія, справедливо, сказалъ онъ.—Итакъ въ судѣ, примолвилъ я, надобно искать не такой доброты и мудрости, а первой; потому что лукавство еще не можетъ знать ни добродѣтели, ни себя: напротивъ, добродѣтель, вмѣстѣ съ воспитаніемъ природы, время отъ времени E. приобрѣтаетъ познаніе и о себѣ, и о лукавствѣ. Такимъ образомъ, судьейо бываетъ, какъ мнѣ кажется, не злой человекъ, а мудрецъ.—И мнѣ тоже кажется, сказалъ онъ.—Поэтому съ судебнымъ знаніемъ не учредишь ли ты въ городѣ и врачебнаго искусства, какимъ мы поняли его, чтобы, то-есть, гражданамъ, пользующимся благосостояніемъ тѣлеснымъ и душевнымъ, они служили у тебя, а другимъ — 410. нѣтъ,—чтобы такихъ по тѣлу оставляли умереть, а дурныхъ и неисцѣлимыхъ по душѣ умерщвляли сами?—Да, это должно казаться весьма хорошимъ и для нихъ самихъ, и для города, сказалъ онъ.—А юноши-то, продолжалъ я, занимаясь тою простою музыкою, которая, говорили мы, раждаетъ разсудительность, очевидно, будутъ остерегаться у тебя, какъ бы не понадобилось имъ имѣть дѣло съ судебнымъ знаніемъ.—Какже, сказалъ онъ.—Не по тѣмъ же ли слѣдамъ преслѣдуя гимнастику, любитель музыки будетъ также стараться, если захочетъ, чтобы, безъ крайней необходимости, не

¹ Сравни. р. 408 С. D.

нуждаться и во врачебномъ искусствѣ?—Мнѣ кажется.—Вѣдь самыя гимнастическія упражненія и труды будетъ онъ предпринимать, смотря больше на раздражительную ¹ сторону своей природы, какъ бы возбудить ее, чѣмъ на силу, — не то, что иные бойцы—ѣдятъ и трудятся для крѣпости.—

Весьма справедливо, сказалъ онъ. — Да и введшіе въ воспитаніе музыку и гимнастику не для того ввели ихъ, Главконъ, чтобы, какъ нѣкоторые думаютъ, однимъ изъ этихъ упражненій образовать тѣло, другимъ душу? — Для чего же, болѣе? сказалъ онъ. — То и другое ввели они, должно быть, особенно для души, отвѣчалъ я.—Какъ это?—

Не замѣчаешь ли ты, сказалъ я, каковы, по самой душѣ, тѣ, которые всю жизнь занимаютъ гимнастикой, не касаясь музыки, или каково расположеніе другихъ, занимающихся противнымъ тому? — О чемъ хочешь ты сказать? спросилъ онъ.—О грубости и жестокости, отвѣчалъ я, и наоборотъ—о нѣжности и тихости. — Да, я замѣчаю, примолвилъ онъ, что неумѣренно занимающіеся гимнастикой выходятъ грубѣе надлежащаго, а неумѣренные въ музыкѣ бываютъ нѣжнѣе того, чѣмъ сколько это нужно имъ.— Но грубое, сказалъ я, поддерживаетъ раздражительную природу, которая, бывъ правильно воспитываема, дѣлается мужествомъ, а развиваемая болѣе надлежащаго, обыкновенно превращается въ жестокость и вздорчивость.—Мнѣ кажется, сказалъ онъ.—Что же? тихость не есть ли свойство философской природы? и если она простирается слишкомъ далеко,

¹ По мнѣнію Платона, части души суть τὸ λογιστικὸν καὶ τὸ ἔλεον: но между этими противоположностями душа обнаруживаетъ еще природу среднюю или посредствующую, которая, съ одной стороны, находится въ ближайшей связи съ природою разумною, а съ другой — поставлена въ непосредственное отношеніе къ природѣ неразумной. Эта средняя часть души есть начало раздражительное—*θοροειδές*. Въ отношеніи къ ней часть неразумная называется у Платона *ἐπιθυμητικόν*, пожелательною, и каждую, происходящую въ себѣ переменную желаній или стремленій необходимо дѣйствуетъ на раздражительность, или на сердце. На этомъ основаніи Платонъ и гимнастикѣ, которая, повидимому, дѣйствуетъ только на природу пожелательную, приписываетъ также вліяніе и на силу раздражительную. Сравни. *Libr. IV, p. 430 В sqq. IX, p. 580 D.*

то дѣлается нѣжнѣе надлежащаго, а воспитываемая хорошо, бываетъ кротка и благонравна. — Такъ. — И стражи, говоримъ мы, должны имѣть ту и другую природу. — Конечно. — Такъ не должны ли эти природы быть соглашены одна съ другою? — Какъ не должны? — И душа человѣка, въ которомъ онѣ соглашены, есть душа разсудительная и мужественная. — Конечно. — А въ комъ не соглашены, — трусливая и грубая. — И очень. — Итакъ пусть кто-нибудь позволить своей душѣ обворожаться музыкою, и чрезъ уши, какъ чрезъ каналъ, вливаетъ въ нее недавно упомянутые нами сладкіе, нѣжные и жалобные звуки гармоніи, и пусть эти мягкіе звуки пѣсни увеселяютъ его во всю жизнь: сперва, если у него было сколько-нибудь раздражительности, онъ умягчаетъ ее, какъ желѣзо, и бесполезное, В. жесткое превращаетъ въ полезное; потомъ, не переставая позволять ей это и долѣе, но чаруя ее, онъ растопляетъ ее чувство и перегоняетъ до тѣхъ поръ, пока не вытопить изъ него сердечнаго жара (*Συμόν*), не иссѣчетъ изъ души какбы нервовъ и не сдѣлаетъ воина изнѣженнымъ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Если и съ самаго начала онъ получилъ природу безъ сердечной горячности, продолжалъ я, то выйдетъ такимъ скоро; а когда природа его была горяча, — ослабить ее жаръ и сдѣлаетъ ее удобовозбуждаемою, скоро раздражающеюся и охладѣвающею отъ причинъ ничтожныхъ. Такимъ образомъ, вмѣсто сердечнаго жара, исполнившись чувствомъ недовольства, люди становятся желчны и вздорчивы. — Именно такъ. — Что жъ? а еслибы кто, напротивъ, много занимался гимнастикой и слишкомъ пироваль ¹, не касаясь музыки и философіи? Имѣя здоровое тѣло, не исполнится ли онъ сперва надменностію и юношескимъ жаромъ и несдѣлается ли му-

¹ Слишкомъ пироваль. Чтобы понять здѣсь связь между пированьемъ и гимнастикой, надобно вспомнить греческихъ атлетовъ, которые съ гимнастикой соединяли употребленіе отборныхъ яствъ и притомъ въ большемъ количествѣ, отчего, говоря вообще, были плотны и жирны.

- жественнѣе самого себя?— Ужъ конечно.— Но что потомъ? Такъ какъ онъ не дѣлаетъ ничего другаго, не раздѣляетъ
- Д. времени ни съ какою музою; то душа его, еслибы въ ней и была какая любознательность, не наслаждаясь ни ученіемъ, ни изслѣдованіемъ какого-либо предмета, не занимаясь ни словомъ, ни иною музыкою, становится слабою, глухою и слѣпою; потому что она и не возбуждается, и не питается, и не очищаетъ чувствъ своихъ.— Такъ, сказалъ онъ. — Вотъ же я и полагаю, что такой человѣкъ есть ненавистникъ слова и врагъ музъ; для убѣжденія, онъ не пользуется словами, но при всякомъ случаѣ, по-
- Е. добно звѣрю, развѣдывается насиліемъ и жестокостію, и проводитъ жизнь въ невѣжествѣ и дикости, сопровождаемой нестроеніемъ и непріятными явленіями. — Это совершенно справедливо, примолвилъ онъ.— И такъ, ради этихъ-то, вѣроятно, двухъ крайностей, какой-то богъ, сказалъ бы я, даровалъ людямъ и два искусства: музыку и гимнастику,— даровалъ, то-есть, для раздражительной и философской природы, а не для души и тѣла. Послѣдняго касаются они развѣ мимоходомъ, прямо же относятся къ первой, чтобы обѣ эти природы ея, чрезъ напряженіе и ослабленіе до надлежащей степени, приходили къ взаимному согласію.— Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, сказалъ онъ.— Поэтому, кто превосходно соединяетъ гимнастику съ музыкою и весьма мѣрно прилагаетъ ихъ къ душѣ; того мы по всей справедливости можемъ называть человѣкомъ совершенно музыкальнымъ и гораздо лучше настроеннымъ, чѣмъ тотъ, кто умѣетъ подстроить одну струну подъ другую.— Конечно должно быть такъ, Сократъ, примолвилъ онъ.— Но не то же ли и въ городѣ, Главконъ? Не будетъ ли нуженъ намъ всегда именно такой начальникъ, если Государство хочетъ соблюстись? — Точно, будетъ нуженъ,— и притомъ
- В. всего болѣе.—

Пусть же типы ученія и воспитанія будутъ таковы; но что сказать о пляскахъ этихъ людей, о звѣроловствѣ,

псовой охотѣ, голотѣлыхъ бояхъ и конскихъ ристалищахъ? Впрочемъ, почти ужь очевидно, что послѣднія должны быть сообразны съ первыми, и тогда опредѣлятся безъ труда. — Можетъ быть, и безъ труда, примолвилъ онъ. — Положимъ, сказалъ я. Но послѣ этого-то, чтò еще предстоитъ изслѣдовать намъ? Не то ли, кому начальствовать, и кому быть подъ начальствомъ? — Какже. — Не явно ли, что начальниками должны быть старшіе, а подъ начальствомъ — младшіе? — Явно. — И что отличнѣйшіе изъ нихъ? — И это явно. — Но отличнѣйшіе изъ земледѣльцевъ не суть ли самые лучшіе знатоки земледѣлія? — Да. — А такъ какъ теперь они должны быть и отличнѣйшими стражами, то не слѣдуетъ ли имъ также превосходно знать и обязанности стражей города? — Да. — Но для этого они должны быть благоразумны, сильны и, сверхъ того, благопопечительны о городѣ. D. — Правда. — Пещись же о немъ будетъ особенно тотъ, кто любить его. — Необходимо. — А любятъ по большей части то, въ отношеніи къ чему полезное находятъ полезнымъ для себя и чье благоденствіе почитаютъ залогомъ благоденствія частнаго; будь же иначе, — выдетъ противное. — Такъ, сказалъ онъ. — Стало-быть, изъ всѣхъ стражей, надобно избирать такихъ мужей, которые, по нашему наблюденію, оказывались бы во всю свою жизнь усердными ревнителями въ исполненіи дѣлъ, признаваемыхъ полезными для города, а что неполезно ему, того никакъ не хотѣли бы дѣлать. — Да, такіе и нужны, сказалъ онъ. — Такъ мнѣ кажется, надобно подстергать ихъ во всѣхъ возрастахъ жизни, точно ли сохраняютъ они это правило и, не поддаваясь ни оболыщенію, ни насилію, не изгоняютъ ли изъ своей души мнѣнія, что должно дѣлать все, въ отношеніи къ городу наилучшее. — О какомъ изгнаніи говоришь ты? спросилъ онъ. — Это я скажу тебѣ, былъ мой отвѣтъ. Мнѣ кажется, что мнѣніе уходитъ изъ разсудка либо охотно, либо поневолѣ: охотно — мнѣніе ложное, когда человѣкъ переучивается, 413. а поневолѣ — всякое мнѣніе истинное. — Охотное изгнаніе

миѣнія я понимаю, сказалъ онъ, а невольное еще нужно понять.—Что? развѣ не такъ думаешь и ты, спросилъ я, что благъ люди лишаются поневолѣ, а золь — охотно? Развѣ уклоненіе отъ истины—не зло, а храненіе ея—не благо? Или, держаться миѣнія истиннаго развѣ не значитъ, думаешь, хранить истину? — Да, ты справедливо говоришь, замѣтилъ онъ; и я также полагаю, что миѣнія истиннаго лишаются поневолѣ.—А не правда ли, что теряютъ его либо обкраденные, либо обольщенные, либо изнасилованные? —

В. Я все еще не понимаю, сказалъ онъ. — Видно, моя рѣчь идетъ трагически ¹, примолвилъ я. Но вѣдь обкраденными я называю тѣхъ, которые переувѣрены и омрачены забвеніемъ; потому что послѣднихъ обкрадываетъ время, а первыхъ—гибельное слово.—Такъ.—Потомъ,—изнасилованными тѣхъ, которые вынуждены перемѣнить миѣніе отъ какого-нибудь страданія, или мученія.—И это понятно, сказалъ онъ; ты говоришь справедливо.—А обольщенными и

С. самъ ты, думаю, назвалъ бы тѣхъ, которые перемѣнили свое миѣніе, бывъ либо обворожены удовольствіемъ, либо испуганы страхомъ.—Да, ужъ конечно, все обманывающее обольщаетъ, примолвилъ онъ.—Итакъ надобно изслѣдовать, какъ недавно было сказано, кто таковы—отличнѣйшіе хранители принятаго нами положенія, что должно совершать дѣла, представляющіяся во всякомъ случаѣ наилучшими для города; надобно, то-есть, поручить имъ занятія, и наблюдать за ними отъ самаго ихъ дѣтства, въ какомъ родѣ

Д. дѣлъ кто изъ нихъ забывчивъ и доступенъ обману,—и памятливаго, либо неудобообманываемаго избирать, а противнаго тому отвергать. Не правда ли?—Да.—Надобно также возлагать на нихъ труды, страданія и подвиги, и въ этомъ случаѣ опять подстергать то же самое.—Справедли-

¹ *Трагически*, то-есть темно. Lib. VIII, pag. 545 E: καὶ φῶμεν αὐτὰς τραγικῶς ὡς πρὸς παιδάς ἡμᾶς παιζούσας καὶ ἑρσυχελούσας—ὑψηλολογουμένας. Менон. р. 76. E. Cratyl. р. 414. С Впрочемъ слово *τραγικῶς* λέγειν обыкновенно значитъ говорить свмысока, и отъ этого тона наводитъ на рѣчь темноту.

во, сказалъ онъ. — Надобно наконецъ, продолжалъ я, подвергать ихъ и третьяго рода испытанію, то-есть со стороны оболъщенія. Какъ молодыхъ коней подводятъ подъ шумъ и гамъ, чтобы видѣть, пугливы ли они: такъ и молодыхъ людей нужно сближать съ чѣмъ-нибудь страшнымъ, и эти страшныя зрѣлища смѣнять потомъ удовольствіями, чтобы юную душу испытать гораздо болѣе, нежели золото Б. огнемъ, благонравна ли она во всякомъ случаѣ и довольно ли недоступна для оболъщеній, какъ добрый стражъ надъ собою и хранитель изученной ею музыки, показывающій себя во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ равнымъ и стройнымъ, — какимъ надлежитъ ему быть для пользы собственной и общественной. И кто, бывъ испытываемъ всегда — въ дѣтствѣ, въ юности и въ мужескомъ возрастѣ, оказался неукоризненнымъ; того надобно поставлять началь- 414. никомъ и стражемъ города, тому должно воздавать почести при жизни и по смерти и назначать великія награды въ видѣ гробницъ и другихъ памятниковъ; а кто не таковъ, того слѣдуетъ отвергать. Говоря вообще, а не в частности, прибавилъ я, таковымъ, кажется, должно быть, Главконъ, избраніе и постановленіе начальниковъ и стражей. — Почти то же представляется и мнѣ, сказалъ онъ. — Такъ не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ весьма справедливо — называть ихъ стражами совершенными въ отношеніи и в. къ внѣшнимъ врагамъ, и къ домашнимъ друзьямъ, чтобы одни не захотѣли, а другіе не могли дѣлать зло, — юношей же, которымъ недавно дали мы наименованіе стражей, почитать помощниками и исполнителями ихъ предписаній? — Мнѣ кажется, сказалъ онъ. —

Итакъ, какое у насъ средство, когда мы лжемъ, продолжалъ я, убѣдить преимущественно самихъ начальниковъ, а не то, — прочихъ гражданъ, что въ числѣ необходимыхъ лжей, о которыхъ недавно ¹ мы говорили, находится одна С.

¹ Указывается на слова р. 389 В—D, гдѣ было говорено о такъ называемой честной лжи. Сократъ говорить съ нѣкоторою нерышительностію и какбы со-

благородная? — Какая это? спросилъ онъ. — Не ожидай ничего новаго, примолвилъ я: это — нѣчто финикійское ¹, нерѣдко случавшееся уже прежде, какъ говорятъ и увѣряютъ поэты; чего однакожъ у насъ не случилось, и что случится ли, — не знаю, а между тѣмъ требуетъ совершеннаго убѣжденія. — Какъ нерѣшительно говоришь ты! замѣтилъ онъ. — Но если скажу, примолвилъ я, — самъ увидишь, что

D. моя нерѣшительность весьма основательна. — Говори же, не бойся, сказалъ онъ. — Сейчасъ говорю, только не знаю, какая нужна мнѣ смѣлость и какими выразиться словами. Я приступлю къ убѣженію сперва самихъ начальниковъ и воиновъ, а потомъ и прочихъ гражданъ, что, получивъ отъ насъ воспитаніе и бывъ наставлены нами, они должны вообразить, что все это чувствовали и испытывали надъ собою, какбы сновидѣніе, на самомъ же дѣлѣ тогда формировались и воспитывались они въ нѣдрѣ земли, вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и прочими, тамъ же приготавливавшими

E. мяся dospѣхами, и что, когда дѣло съ ними было со..сѣмъ окончено, — мать земля произвела ихъ на свѣтъ. Поэтому о матери и кормилицѣ страны, въ которой живутъ, они должны теперь заботиться и защищать ее, если кто нападаетъ, а о всѣхъ другихъ гражданахъ мыслить, какъ о братьяхъ и земнородныхъ ². — Недаромъ же давно стыдился ты говорить

вѣстится упоминать о ней. Поэтому далѣе совѣтуетъ облекать ее въ вымысль, видя въ этомъ средство держать народъ во взаимномъ согласіи и удалять отъ него поводы къ возмущеніямъ.

¹ Это нѣчто финикійское, то-есть, это ложь какая-то финикійская. Schol.: τὸ ψεῦδος Φοινικικὸν ἔστιν ἀπὸ τῶν κατὰ τὸν Δράκοντα καὶ τοὺς Σπαρτοὺς καὶ Κάδμον ψευδῆ λεγομένων· οὗτος γὰρ Ἀγχιγυρος τοῦ Ποσειδάωνος καὶ Λιβύης ἔν, ἧς ἡ Φοινίκη χώρα. Сократъ хочетъ говорить не въ защиту вообще лжи, а въ пользу какой-нибудь частной выдумки правителя, направленной къ спасенію народа; каковую ложь позволяли себѣ Кадмъ, Солонъ, Агеноръ и проч., и каковая называется здѣсь финикійскою. Впрочемъ и дальнѣйшая басня о происхожденіи людей изъ земли есть произведеніе также финикійское.

² Сократъ въ формѣ этой басни высказываетъ, безъ сомнѣнія, тотъ смыслъ, что основаніе взаимнаго согласія, братства и равенства всѣхъ гражданъ есть происхожденіе ихъ отъ одной матери — эллинской земли: сознаниемъ этого единства должно поддерживаться чувство народности, любовь къ отечеству и ко все-

ложь, сказалъ онъ. — И стыдился очень естественно, при- 415.
 молвилъ я; однакожь выслушай и остальное въ баснѣ.
 Такъ вотъ всѣ вы въ городѣ—хоть и братья, скажемъ имъ
 мы, баснословы; но Богъ-образователь къ тѣмъ изъ васъ,
 которые способны начальствовать, при рожденіи примѣ-
 шалъ золота ¹, — отчего они очень драгоцѣнны (*τιμιώτατοι*),
 —къ другимъ, помощникамъ ихъ, — серебра, а къ земле-
 дѣльцамъ и прочимъ мастеровымъ—желѣза и мѣди. Такимъ
 образомъ, какъ родственники, всѣ вы рождаетесь весьма
 похожими на самихъ себя; и однакожь изъ золота иногда
 происходитъ порода серебряная, а изъ серебра — золотая,
 какъ и все прочее—одно изъ другаго. Поэтому начальствую- В.
 щимъ Богъ прежде всего и особенно повелѣваетъ, чтобы
 стражи ни въ чемъ не были столь добрыми, и чтобы началь-
 ствующіе ничего такъ усердно не блюли, какъ порожденія,
 рассматривая, что примѣшано къ душѣ cadaго изъ нихъ.
 Если такое порожденіе будетъ отчасти мѣдное, либо отчасти
 желѣзное; то никакъ не должны они имѣть къ нему снисхож- С.
 деніе, но, воздавая надлежащую честь природѣ, должны отсы-
 лать его къ мастеровымъ, или къ земледѣльцамъ: а кто, на-
 противъ, произшедши отъ этихъ послѣднихъ, родился частію
 золотымъ, либо частію серебрянымъ, того съ честію возводи-
 ли бы или въ стражи, или въ помощники; ибо есть предска-

му отечественному; потому что земля произвела ихъ на свѣтъ со всѣми доспѣ-
 хами и оружіемъ. Если граждане были воспитываемы учителями, то должны
 представлять, что учителя ихъ были какбы только органами земли, и что чрезъ
 учителей созрѣли они въ ея нѣдрѣ до степени родныхъ и равно любезныхъ ей
 сыновъ.

¹ Аристотелю (*Polit.* II, 3. s. II, 2. § 15, ed. Schneid.) очень не нравился этотъ
 взглядъ Платона, и онъ тутъ не находитъ предѣла своимъ насмѣшкамъ. А имѣя,
 вмѣстѣ съ *Пинсеромъ* (*Comment. de iis, quæ Aristoteles in Platonis Politia repre-*
hendit, p. 50 sqq.), напротивъ, кажется, что нельзя представить лучшаго основа-
 нія для различенія степеней, на которыхъ дѣйствуютъ граждане въ одномъ и томъ
 же обществѣ, какъ основаніе Платоново. При однихъ и тѣхъ же правахъ на
 любовь и покровительство матери-земли, каждый получилъ отъ Бога не одина-
 ковыя качественныя наклонности и принялъ наследственно не одну и ту же ко-
 личественно долю способностей и талантовъ. Предъ закономъ отечества мы всѣ
 равны, а по своимъ личнымъ силамъ и дѣйствіямъ,—всѣ различны.

заніе, что городъ разрушится, если будетъ охраняемъ желѣзомъ или мѣдью¹. Такъ имѣешь ли ты какое-нибудь средство заставить ихъ вѣрить этой баснѣ?—Никакого, отвѣчалъ онъ, D. по крайней мѣрѣ что касается до самыхъ этихъ лицъ; но по отношенію къ ихъ сыновьямъ и потомкамъ,—къ людямъ послѣдующимъ,—дѣло другое.—Чтобы они болѣе заботились о городѣ и другъ о другѣ, сказалъ я; и это будетъ хорошо. Я почти понимаю, что ты говоришь: слова твои выражаютъ то же, къ чему направлено само предсказаніе.

Вооруживъ этихъ земнородныхъ, мы выведемъ ихъ на свѣтъ подъ управленіемъ начальниковъ. Пришедши (въ общество людей), пусть они смотрятъ, въ какомъ мѣстѣ города имъ лучше расположиться лагеремъ, откуда бы можно было и E. удерживать домашнихъ, еслибы кто изъ нихъ не захотѣлъ повиноваться законамъ, и отражать внѣшнихъ, еслибы какой-нибудь непріятель напалъ на городъ, какъ волкъ на стадо. Избравъ же лагерное мѣсто и принеши, кому должно, жертвы, пусть они ставятъ палатки. Не такъ ли? — Такъ, сказалъ онъ.—И не такія ли, какія могли бы укрывать ихъ?—Какъ же не такія? вѣдь о жилищахъ, кажется, говоришь ты? прибавилъ онъ.—Да; и притомъ о военныхъ, 416. а не о промышленныхъ.—Но чѣмъ же отличаешь ты ихъ одни отъ другихъ? спросилъ онъ.—Постараюсь объяснить тебѣ это, сказалъ я. Должно быть, всего ужаснѣе и постыднѣе, когда пастухи такихъ содержатъ и такъ кормятъ собакъ—оберегателей стада, что, побуждаясь наглостію, голодомъ, или какою-нибудь иною дурною привычкою, онъ рѣшаются наносить зло овцамъ и, вмѣсто собакъ, уподобляются волкамъ.—Ужасно, примолвилъ онъ; какъ не ужасно? — Итакъ, надобно всячески наблюдать, чтобы у насъ оберегатели не дѣлали этого гражданамъ, если они лучше послѣднихъ, и вмѣсто благосклонныхъ защитниковъ, не уподоблялись жестокимъ господамъ.—Надобно наблюдать,

¹ То-есть, людьми, имѣющими меньше нравственныхъ, полученныхъ отъ Бога дарованій.

сказалъ онъ.—А не тогда ли въ отношеніи къ нимъ принята будетъ величайшая осторожность, когда они окажутся по-истинѣ хорошо наставленными?—Но они уже таковы и есть, примолвилъ онъ.—Это не годится утверждать, любезный Главконъ, возразилъ я; хотя то, конечно, годится, что сказано прежде,—то-есть, что они должны получить какія бы то ни было правильныя наставленія, чтобы впослѣд- С. ствіи имѣть весьма много рѣшимости быть кроткими и между собою, и въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ охраняютъ. — Да и справедливо-таки, примолвилъ онъ.— Итакъ, кромѣ упомянутыхъ наставленій, скажетъ кто-нибудь умный человѣкъ, надобно, чтобы и жилища, и всѣ другія вещи были у нихъ таковы, какія и не мѣшали бы стражамъ оставаться отличнѣйшими самимъ по себѣ, и не навели бы ихъ на злыя дѣла въ отношеніи къ другимъ гражданамъ.—Да и справедливо-таки скажетъ.—Смотри же, D. продолжалъ я; чтобъ быть такими, не такъ ли какъ-нибудь обязаны они жить и помѣщаться? Во-первыхъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго ¹. Во-вторыхъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни такой кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. А нужныя вещи, сколько ихъ требуется для разсудительныхъ и мужественныхъ подвижниковъ на войнѣ, надобно имъ, въ награду за охраненіе, получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ E. такое количество всего, какое было бы и не велико на годъ, и не мало. Они должны ходить въ артельныя столовыя, какбы цѣлымъ лагеремъ, и жить съобща. А что касается до золота и серебра, то имъ слѣдуетъ говорить, что въ душѣ ихъ всегда есть золото божественное отъ боговъ, и что ни въ чемъ человѣческомъ они не имѣютъ нужды. Стяжавъ это сокровище, и не годилось бы осквернять его примѣсю золота тлѣннаго. Монета народная про-

¹ Кромѣ совершенно необходимаго. Schol. *ἰμάτιον φημι καὶ βρώματα εὐτελέη.*

417. извела много нечестиваго, а полученная отъ боговъ чиста. Въ обществѣ гражданъ имъ однимъ не должно принимать и касаться золота и серебра, даже вступать подъ ту самую кровлю, обкладываться золотыми и серебряными вещами и пить изъ нихъ. Такъ только спасутся они сами и спасутъ городъ. А когда приобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги; тогда, вмѣсто стражей, сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто защитниковъ прочихъ гражданъ, — не-пріязненными господами, и во всю свою жизнь будутъ ненавидѣть и находиться въ ненависти, коварствовать и подвергаться коварству, — будутъ гораздо болѣе бояться внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ непріятелей, и какъ сами, такъ и цѣлымъ городомъ, приблизятся къ гибели. По всѣмъ этимъ причинамъ согласимся, заключилъ я, что и касательно жилищъ, и вразсужденіи всего прочаго, такъ именно должны быть снаряжены стражи ¹. Постановимъ это, или нѣтъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Главконъ. —

¹ Сущность всего, что относится къ жизни и поведенію стражей, философъ излагаетъ также въ началѣ Tim. p. 17 C. 18 B.